

Вера Орловская

Х Р О Н О С

х р о н о с

Вера Орловская

Хронос

«Алетейя»

Орловская В.

Хронос / В. Орловская — «Алтейя»,

ISBN 978-5-00165-007-2

Новый роман Веры Орловской «Хронос» можно определить как путешествие в пространстве и во времени. Смена событий, переплетение сюжетов, драйв захватывает и зовет размышлять вместе с автором. Автор называет литературу другой реальностью, признаваясь: «Я существую в тексте», и этому веришь, потому что люди, встречающиеся в путешествии по Франции, Сицилии, по Риму, и персонажи XIX века из романа, который она пишет, одинаково живые в этой альтернативной жизни, именуемой «Миром моих реальных фантазий». Читателю открывается тайна того, как живет и как творит писатель. Алиса и Матвей – наши современники. Дарья и Николай из позапрошлого века. Две истории близкие и совершенно далекие. То ли мы так изменились, то ли «Мир забыл, куда он шел»? Автора волнует будущее нашей цивилизации. А может она права в том, что «Мгновение это и есть теперь наше бессмертие»? Хронос – бог Времени, но это слово обозначает в греческом языке и само время. Успеем ли мы за ним, в поисках смыслов, забывая, что сама «Жизнь – это и есть смысл»? Время соединяет персонажи и реальных людей вместе. Кто из них, кто? Но интрига всегда должна присутствовать и в романе, и в жизни.

ISBN 978-5-00165-007-2

© Орловская В.

© Алтейя

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	23
5	27
6	32
7	36
8	41
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вера Орловская

Хронос

Бог Хронос создал Время и Хаос. (из древнегреческой мифологии)
Care Diem¹ (Гораций)

Путешествие по всему миру – это только символическое путешествие. И куда бы ты ни попал, ты продолжаешь искать свою душу.

Андрей Тарковский

¹ Лови момент.

1

«14 декабря 2017 года Городской Совет Рима принял решение реабилитировать древнеримского поэта Овидия и отменить приказ императора Августа о его изгнании из города, которое состоялось более двух тысяч лет назад. Реабилитация поэта приурочена к 2000-летию со дня смерти Овидия, скончавшегося в 17 году нашей эры...»

Я прочитала эту новость в числе других новостей, и её абсурдность не показалась мне чрезмерной по сравнению с остальной информацией. Более всего в данном сообщении меня покорило слово «приурочена»: в этом проглядывалось что-то из советского времени, когда все достижения и решения к чему-то были приурочены, но тогда подобное являлось нормой и никого не удивляло. Теперь же это говорило о том, что мир не меняется – он просто дрейфует в своем безумии из одной точки пространства в другую, из одного времени в другое. Но сейчас этих точек стало намного больше на планете. Или увеличилось количество безумия?

Раньше, по молодости лет и по свойственной этому возрасту заикливости на себе, я не замечала этого. А что, собственно, случилось необычного с тех пор? Времена года по-прежнему сменяют друг друга в той же последовательности, ночь идет за днем, старость за юностью, и только мудрость не всегда приходит за глупостью.

Но разве не для того существуют писатели, чтобы предлагать другие сюжеты развития событий, в которых есть возможность ускользнуть от неизбежного в некий параллельный мир, где нет заведомой предсказуемости? Ведь предсказуемость – не только самая скучная вещь на свете, но ещё и самая страшная, если мысленно добраться до конца линии жизни и, стоя на высокой горе, до вершины которой ты дошел и дожил, проделав непростой путь, смотреть в бездну, когда она, как известно, смотрит в тебя, и, раскинув руки над ней, вопрошать неизвестно кого: «И это всё?» Ты жаждешь продолжения в другой жизни, пусть даже в другом обличье, в другом мире, потому что такого не может быть, чтобы просто – пустота и вечное ничто. Это не вмещается в твое сознание, хотя ты и врешь себе, что принимаешь неизбежность закона природы, предполагая, что у тебя ещё есть время... Но время не предполагает, что ты есть у него, оно абсолютно в своем безразличии ко всему, что происходит, оно скорее – статист, бухгалтер со счетами, передвигающий костяшки – одну за другой. Они щелкают. И хорошо, что этот звук не доходит до нашего слуха, заглушаясь тысячами других звуков, которые мы слышим с большим или с меньшим удовольствием и даже без всякого удовольствия, но всё это – такие мелочи, на которые не стоит обращать внимания, когдаходишь в лабиринт и дальше идешь по инерции движения, которое, как говорят, и есть – жизнь...

Литература – это выход из лабиринта: вначале она вас туда толкает, а потом ведет за руку, как ребенка: и боязно, и интересно, а главное – ты знаешь, что лично с тобой ничего плохого не случится, ведь вместо тебя отдуваются герои книги, иногда очень похожие, но все-таки – не ты, и этот факт утешает, какой бы ужасной ни была рассказанная история. Обман? А кто сказал, что человеку нужна правда? Ему нужна мечта, сказка, в которой он видит себя счастливым, или проще: нужно то место в мире, где ему по-настоящему хорошо.

Но откуда же берутся герои книги: из жизни, из головы автора, из образа внушенного кем-то или чем-то неведомым, но однозначно выше моего разума? Я никогда не задумывалась об этом, потому что мне не так важна техническая сторона процесса и сам вопрос – зачем я вообще пишу. Достаточно и того, что меня к этому влечет и, простите за самоуверенность, ведет, а раз я уже иду, то почему бы не попробовать разобраться хотя бы в том, что не получается понять, пока я не напишу об этом.

К тому же персонажи являются ко мне сами, – видимо, им нужна именно я, чтобы поговорить о своем личном. Это ошибка – отождествлять какого-нибудь персонажа с автором и утверждать, что якобы через них он открывает свои потаенные страсти, фантазии и нехоро-

шие, а порой преступные склонности, вплоть до желания убить. Иначе по какой причине он с такими подробностями, смакуя каждую деталь, описывает психологический портрет своего отрицательного героя: мерзавца или того хуже – убийцу? В этом утверждении есть своя логика, потому как нормальному человеку не придет в голову это делать. Но не будем пытаться отыскать границы нормальности в среде творческих людей: неблагоприятное это дело. Ведь не только чужая душа – потемки, но и своя собственная тоже. Как сказал мне знакомый психолог: лучше не копать слишком глубоко, чтобы не удивиться ненароком тому, что можешь увидеть там, когда докопаешь. Но неистребимая тяга к копанию – это и есть диагноз творческой природы и тут уж выбирать не приходится. Разве что из многочисленных вариантов отыскать своего нужного персонажа...

Сидишь себе утром, пьешь кофе, слушаешь вполуха какие-то слова, информацию вроде бы ни о чем, а рука уже управляет твоей расслабленной сущностью и ты начинаешь писать. Нет, это всё не обо мне. Или: допустим, что это не обо мне. В математике очень любят использовать именно это выражение: будем считать, что эти линии параллельны. И никто не сопротивляется такому надуманному предположению, не беря в расчет то, что где-то эти линии все равно пересекутся, но в другой геометрии, в другом пространстве, в другом мире. В жизни происходит всё то же самое: зависит только от точки сборки ваших измышлений, которые вовсе могут быть из другой реальности. Литература как раз и есть та самая другая реальность, где всё пересекается и всё сходится, что не должно ни пересекаться, ни сходиться.

Когда появилась Алиса, мне показалось, что я знала её всегда, потому что в моей голове возникали вдруг такие подробности жизни, о которых никто не мог знать, кроме неё самой. Словно из темноты проявлялись светящиеся линии – дороги, по которым она шла. Да, я хорошо представляю себе Алису маленькой рыжеволосой девочкой с зелеными, будто у кошки, глазами, с чуть приподнятыми уголками кверху. Эта яркость одновременно выделяла девочку среди других, но также роднила с общим фоном природы, в котором присутствовал и сочный зеленый цвет листвы, травы, моря, и пылкость горячего рыжего солнца, льющего с неба свой свет. Что в ней было такого особенного? В ее глазах русалки, миндалевидных, с немного удлиненным разрезом, было удивление, как будто мир застал её врасплох и она ещё не успела привыкнуть к нему, принять его, сжиться с ним, чтобы постепенно перестать замечать, то есть видеть его как нечто необыкновенное. Она не могла ждать, пока всё здесь станет немного отстраненным от неё самой. И дело здесь было не в возрасте, а в том, что первородное ощущение мира не проходило со временем, оно оставалось в ней всегда.

Мать назвала её Алисой, так как любила героиню романа Л. Кэрролла и ей казалось, что дочка очень похожа на тот образ, который она представляла себе, когда читала книгу. Скорее всего, она просто хотела, чтобы у нее родилась девочка и чтобы назвать её Алисой, а всё остальное уже придумалось позже. Но мне кажется, что таким именем она как будто обрекла свою дочь на проживание этого образа в жизни. Говорят, что есть такие люди, которые способны брать из пространства информацию, идею и воплощать её в реальность. Когда-то их называли магами, но существует и научное название, а главное, что это передается в роду само по себе, не спрашивая твоего согласия.

Я не могу вспомнить, где увидела Алису впервые, но периодически в разных местах её лицо являлось передо мною. И всегда я спрашивала себя: где я видела эту девушку раньше? В конце концов у меня сложилось впечатление, что Алиса идет по моему следу, случайно ли, намеренно ли, но, встретив её в очередной раз, я понимала, что это не просто так, потому что мне известно было в тот момент о ней всё: что случилось в ее жизни раньше и как она живет сейчас. Для этого мне не нужно было общаться с ней, входить в какой-то контакт. Я даже делала вид, что не замечаю ее, но это было неправдой, я просто и ясно видела Алису, чувствовала её присутствие и начинала искать глазами среди людей этот притягивающий меня образ.

Зачем мне была нужна Алиса? Это все равно что определить последовательность того, что я делаю в данный момент: пишу книгу и живу или живу и пишу книгу. А что, если я живу в двух мирах одновременно и в одном из них я пишу книгу, которая и есть моя жизнь? Именно в ней мне встречаются какие-то люди и к ним я испытываю какие-то чувства. Но кто-нибудь смотрит на всё это со стороны и называет мою жизнь литературой, потом ставит меня на полку в свой пыльный шкаф, не понимая, что я живая, возможно даже более живая, чем он сам.

Алиса для меня точно существовала. Недавно она сбежала из дома, оставив родителям на столе записку: «У меня всё хорошо. Не волнуйтесь». Она понимала, что не может ничего не сообщить им хотя бы о том, что жива. Понимала Алиса и другое, что если родители узнают о ее бегстве от Матвея, своего жениха, то очень расстроятся, станут задавать ей кучу вопросов и уговаривать не принимать скоропалительного решения.

Поэтому она не сразу решила прийти в их дом. Алиса шла по улице, не зная, что выбрать, потому как все варианты были плохими. «Но у отца большое сердце, – подумала она, и значит нужно зайти к ним, прежде чем уехать из города. Плохо то, что в первую очередь Матвей может позвонить им, когда поймет, что я не просто психанула и выбежала из квартиры, а исчезла. То, что я провела эту ночь у подруги, – это ничего: он мог ещё не успеть позвонить родителям, но если я не появлюсь ни сегодня, ни завтра, он точно приедет сюда. И тогда расскажет им, что случилось. Начнется паника, слезы. Нет, нет, этого допустить нельзя». Алиса решила, что другого выхода не существует.

Было три часа дня, мама обычно в это время дома. Вот я и поговорю с ней и всё будет хорошо, – продолжала она уговаривать саму себя. Ключ от квартиры родителей у нее всегда лежал в сумке, как и паспорт, ей он был нужен на днях, когда она оформляла новый загранпаспорт, который как раз остался у родителей, и ей в любом случае нужно было туда попасть, чтобы забрать его. Всё складывалось именно так.

Подходя к парадному, она увидела соседку по площадке, которая выходила в этот момент из двери. Она узнала Алису и заулыбалась:

– Здравствуй, Алисочка. Говорят, ты выходишь замуж...

– Да, Мария Сергеевна.

– А ты к родителям?

– Да.

– Так мама ушла буквально несколько минут назад. Мы с ней поговорили, когда я мусор выносила.

Алиса подумала, что это даже лучше, если дома никого нет: она оставит им записку и они поймут, что с ней всё в порядке, а главное, что жива и здорова. И больше она ничего не напишет, тогда им не придется врать Матвею, просто скажут, что не знают, где она, и это будет правдой.

Алиса вошла в квартиру и сразу бросилась к столу, где в верхнем ящике у отца всегда лежали листы чистой бумаги. Он любил, чтобы всё было на своем месте и никогда не менял этих правил. Она взяла один лист из пачки и написала: «У меня всё хорошо. Не волнуйтесь».

Но как можно было не волноваться её родителям и Матвею, с которым на днях они должны были расписаться? Уже всюю шли приготовления к свадьбе: были куплены кольца, приглашены гости (они вместе с Матвеем подписали приглашения на красивых открытках), в шкафу висело свадебное платье, заказанное у модного модельера, уже договорились о лимузине, а два дизайнера мудрили над тем, как украсить пространство, где должно было проходить само торжество. Было всё. Не было только самой Алисы.

Почему же она исчезла? Этот вопрос возникает сразу и тут же повисает в воздухе, как вырвавшийся из рук красный шар, улетающий к небу. В никуда.

Люди все слишком разные: у каждого свой ритм в движении вверх, своя частота, как говорят физики, поэтому мы вибрируем только на той волне, которая в данный момент нам

соответствует. По этой причине потеряться в мире очень легко. Войти же с кем-то в резонанс – большая случайность и непредвидимая удача. Чаще всего мы входим с людьми в диссонанс, при этом каждый раз пытаемся себя переубедить в обратном, полагая, что дело в чем-то другом.

Я с осторожностью стала относиться к тому, насколько близко можно подпускать к себе человека, потому как затянувшиеся из-за неразборчивости или простодушия отношения выбивают меня из моего собственного ритма, а значит, мешают мне двигаться туда, куда я шла. Конечно, ошибка – это тоже опыт, который нужно пережить, но важно это осознать, а не вестись на внешние обманки и ловушки. Мне не чужды любые искушения и ложные стремления, например: кого-то переделать, кого-то спасти от самого себя или сохранить во что бы то ни стало отношения, которых больше нет. Уйти вовремя – это уже мудрость. Но много ли мудрецов я встречала в своей жизни? Нисколько. Поэтому большинство из нас находятся над бездной в свободном парении, но думают, что у них есть почва под ногами, принимая за неё зыбучие пески собственных иллюзий.

Жизнь – это и есть постепенное избавление от иллюзий и самой большой из них, что до тебя кому-то есть дело. Нужно просто принять всё происходящее и постараться с этим жить по возможности хорошо. Да, люди отличаются довольно сильно друг от друга, если не принимать во внимание физическую структуру, которая и есть та самая обманка: вот же он – человек, и я – человек, мы оба с ним – «человеки», значит можем понять друг друга, должны понять. Но выходит, что никто никому ничего не должен. Тем более что истинный смысл нашего существования на Земле неизвестен. Одни версии и предположения. Экзистенциалисты вообще призывают отказаться от поиска разумного смысла. И они же считают, что человек сам должен наполнять свою жизнь смыслом, он может выбирать, каким ему видеть это пространство, окрашивая его своими идеями и воплощая их в реальность. Круто, конечно: человек есть то, кем он сам решает быть в этом мире. Но мне больше нравятся принципы существования человека как путешественника, идущего к своей истинной сущности, хоть и мудрено такое учение и накручено в нем много чего противоречивого, однако в этом есть и свой кайф: ты идешь, будто на ощупь с завязанными глазами, потом повязка спадает и – это нечто, чего ты не ждала. Правда, оно может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Но интрига – царица любого сюжета.

Кроме меня, никто не знал о местонахождении Алисы, я и сама узнала об этом случайно, впрочем, она появлялась в моей жизни всегда случайно, и это уже нисколько не удивляло меня, разве что я опять начинала задумываться о том, как всё устроено в нашем мире, о котором нам известно только то, что он существует и то с большой натяжкой можно это утверждать, если послушать буддистов.

Юная, тоненькая девушка стоит на берегу моря перед надвигающимися на неё волнами. Она совсем беззащитна перед этой мощью, и её хрупкое тело вздрагивает каждый раз, когда очередная волна норовит захлестнуть ее. У самого берега волна скручивается в спираль и превращается в шипучую пену. Продвинуться в воду невозможно ни на шаг. Я вижу это из своей террасы, выходящей к морю, потому что отель расположен почти что на широком пляже, от которого его отделяют несколько больших деревьев, одно из которых своими листьями чуть ли не касается меня.

Девушка садится в эту бурлящую воду. её кожа вся покрывается спермой моря, как будто оно любит её всю целиком и оплодотворяет своей любовью. Она не сопротивляется этому, она спокойна и покорна, слитая с ним воедино. Это – любовь. Девушка будто выросла в мокрый песок, – кажется, что она всегда была там, окутанная белой пеной, стекающей с ее голой загорелой спины. Она – неотъемлемая часть этого моря и этого пейзажа, который я наблюдаю в местечке Пираино на Сицилии. Я понимаю, что никто другой, кроме Алисы, не повел бы себя таким образом, с такой безмерной любовью и решимостью отдавшись на волю стихии, с уди-

вительной легкостью доверившись этой сокрушительной силе, вызывающей страх у наблюдающих за штормом даже издали.

Но, повернув голову влево, я увидела совершенно другую картину: совсем иное отношение к морю, а лучше сказать – непонимание его. Я наблюдаю за тем, как мужчина, женщина и мальчик 7–8 лет пытаются преодолеть высокие волны. Они думают, что могут победить море и с диким криком бросаются на волну. В какой–то момент кажется, что им это удалось: они выныривают из–под волны и три головы появляются над ней. Море не желает их гибели и в то же время не хочет их любить, как любит Алису, не пытающуюся с ним соперничать. Море выкидывает на берег этих людей, возомнивших себя победителями. С кем они борются? С морем? Со смертью? Или просто им безразлична жизнь без борьбы? Мне всегда казалось, что есть какой–то другой путь взаимодействия с миром. Но их учили, что существует только один – это борьба.

Я заворожено смотрю на девушку, сидящую на берегу в морской пене, подобно Афродите, и понимаю, почему она так спокойна, красива и естественна. И почему так суетны и безобразны те трое, с фанатичным упорством рвущие руками волны в неистовом желании покорить, а не понять то, что сильнее их, ибо море раз за разом возвращает этих людей в ту точку, в которой они были до того. Оно не пользуется своей властью над ними, спокойно отстраняя их от себя, пока они не станут хотя бы на шаг ближе к тому миру, который они привыкли воспринимать как нечто обязанное служить им.

Засыпая и просыпаясь, я видела море, одно только море, до самого горизонта уходящее в небо.

На закате солнце ныряло в него, вначале исчезая под водой наполовину, потом оставалась небольшая часть горящего шара на поверхности темно–синей воды, затем этот шар становился маленьким, светящимся ярко–оранжевым светом, переходящим постепенно в малиновый, потом в лиловый шарик, а после исчезал вовсе, и полосу горизонта заливало цветом солнца, которое уже из–под воды излучало все входящие в него краски, и они растекались по небу.

Каждый вечер ровно в 20 часов и 20 минут я смотрела новый закат – новое полотно великого художника, пишущего эти картины в количестве – бесконечность. От этого захватывало дух, и ни о чем другом я больше не могла думать, погружаясь в состояние созерцания, уже почти забытое мною...

Когда я приехала сюда, то на горизонте можно было видеть пять островов. Но вот уже несколько дней, как они исчезли из поля зрения: какая–то густая дымка совершенно скрыла их. Может быть, в этом был виноват шторм, бушующий в последнее время... Зато благодаря такой погоде мне удалось посмотреть невероятный закат, когда черные тучи, будто тушью выписывали пейзажи в стиле японской живописи, в которой присутствовали и горы, и склоны с чуть зеленеющей поверхностью, а в отдалении были видны чьи–то фигуры, удаляющиеся вдаль, и закругленная тяжелая спина вола, под хлыстом погонщика.

Я забывала в тот момент, что это небо, а не рисовая бумага, настолько все линии казались живыми и четкими, что меня потрясла такая живопись. Мне никогда раньше не приходилось наблюдать подобное: какое–то чудо творилось наверху – в небесах.

А по ночам, слушая шум ударяющихся о берег волн, я представляла себе, что плыву на корабле и вокруг меня нет ничего, кроме огромного, бескрайнего моря. Нет ничего. До самого утра.

На седьмой день я увидела острова.

2

Путешествие начинается где-то внутри тебя, когда ты наконец решаешься оторваться от орбиты своего дивана, своего дома, города, страны, хоть притяжение слишком велико, так же как логические постулаты, объясняющие невозможность такого действия для тебя. Финансовые ограничения слишком весомы, чтобы пренебречь ими, но существуют разные варианты.

Где-то там – да, – думаешь ты, глядя в экран: бунгало, океан, жилище какой-нибудь попсовой «богини», но это же не для простых смертных... Да и фиг с ними со всеми: пусть живут в своих бунгало (хотя какая там жизнь?). Всё себе любимой, всё в себя. И людей не видеть вокруг, и не смеется никто, и какой-то пацан не пронесется на мотоцикле перед твоим носом, и каштан на голову не упадет, и завтра – всё то же, что вчера, ну разве что океан другой и бунгало, и любовник. Тоже мне – событие. Ведь я не о том сейчас, я о жизни, то есть о неожиданном и новом вокруг меня, когда вдруг понимаешь: так бывает. И что ты видела это собственными глазами, даже если что-то не понравилось, и так тоже бывает... А там – по другую сторону бытия, о котором я писала чуть выше, бывает только то, что заказано и обозначено по прейскуранту.

Жизнь – самое гениальное, что есть на свете. Это она управляет нами на клеточном уровне, а не мы ею, как полагается считать. Уверенность в том, что будет именно то, что я задумала, далеко не всегда оправдывается: получается не так, наперекор, поперек, вопреки, параллельно, и это означает, что у жизни на мой счет есть свои планы.

Именно так у меня происходило с Алисой. Она появлялась в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала. Да и вообще, я не думаю о ней, эта девушка в моих мыслях занимает столько же места, как выступающий из воды камень, на который я сейчас смотрю, размышляя над тем, когда он мог там появиться и обломок какой истории отражает собой.

У нас с Алисой разные истории, но зачем она приходит в мою, мне пока неизвестно. Возможно, это я каким-то образом притягиваю её сама. Но если я такая всесильная, то почему Алиса сбежала из уже существующего сюжета и стала писать свой собственный? Я могу только догадываться, потому что сама делала много непредсказуемых вещей в жизни, но потом понимала, что они-то как раз и были закономерными, если посмотреть на всё с другой стороны.

Алиса совсем не вписывалась в мое представление о человеке, который только что окончил юридический факультет. Ну да, мы пользуемся штампами, картинками, образами, создаваемыми нами, и практически не видим того, что существует на самом деле, как будто некий экран закрывает это от нас. Приходится пробираться через буреломы и непроходимые джунгли наших убеждений, вернее – предубеждений, возникающих раньше, чем мы способны сами до чего-то додуматься и к чему-то прийти методом проб и ошибок. Легче сочинить и поверить в это...

В какой-то степени мы все писатели, живущие в созданном нами романе, где любой человек может стать его персонажем, а любой персонаж вполне может существовать в реальности в ближайшем подъезде моего дома. Он живет своей жизнью, независимо от того, что кто-то пишет о нем книгу, думая, что это он сам придумал его. Нас всех придумал Бог. Его ещё называют Творцом. И мы читаем эту книгу, написанную давным-давно, страницу за страницей, книгу своих путешествий.

«Путешествуют не в пространстве, путешествуют внутри самих себя. Новое место чарует нас в той мере, в какой обновляет нас»².

Сидя в тени дерева, я наблюдаю за рыбацкими лодками в море, стоящими на определенном расстоянии друг от друга. Они вышли ловить рыбу «на вечерней зорьке», как говорили

² Антуан де Сент-Экзюпери.

рыбаки в моем детстве и в другой стране, которой больше нет на карте. На воде недалеко от лодок сидят чайки, издали похожие на детских игрушечных птичек, потому что они, словно неживые, неподвижно замерли в ожидании улова. Видимо, самим лень ловить рыбу, поэтому ждут момента, когда рыбаки будут выбрасывать за борт совсем маленькую рыбешку, от которой нет никакого прока, а чайкам для ужина вполне сгодится. Птицы доверяют рыбацкому чутью: если люди стоят на своих лодках в этом месте, значит рыба здесь точно есть. Вот так просто всё устроено в этом мире: море, рыбаки на лодках, чайки, рыба – вечная картина.

Но нам всегда чего-нибудь не хватает... Говорят, что это стимулирует эволюцию. Однако меня не очень радует подобная мысль. Ведь в этом процессе мы обязательно что-то теряем... А из «приобретенного», во что верится с трудом, утверждение, будто мозг и череп увеличились за несколько тысячелетий по причине того, что человек стал умнее. И дальше я узнаю вообще страшные вещи: дальнейшие технологии позволят людям самим выбирать, какими они хотят видеть себя. То есть всё зависит от того, каковы будут наши вкусы? Но тут происходит небольшой сбой: оказывается, что через 20 тысяч лет человеческий мозг и череп будут расти ещё больше (видимо, настолько умнее мы станем, что ум некуда будет девать) и лоб при этом, естественно, удлинится. А еще через 100 тысяч лет, кроме черепа, увеличатся и глаза (ну, примерно так мы представляем себе инопланетян). Цвет кожи станет намного темнее из-за вредных солнечных излучений. Но больше всего меня огорчило то, что каждый человек будет носить контактные линзы, которые помогут ему взаимодействовать с окружающим миром. Получается, что мы и сейчас-то не очень с ним взаимодействуем, а дальше – хуже: вообще не сможем без линз. Утешает только одно: я не верю, что мы поумнеем настолько. Я не верю, что мы вообще поумнеем, если будем идти в эту сторону. Компьютерные игры, смартфоны, система образования и общий уровень развития заставляют меня думать об обратном: мозг, наоборот, будет атрофироваться за ненадобностью, как некогда часть тела, называемая аппендиксом (кто-нибудь в курсе, что он делает в организме человека и зачем он вообще там нужен?).

Море, рыбаки на лодках, чайки, рыба... Что нужно тебе, человек, для того, чтобы быть счастливым? Загляни в себя: может, что-то подправить там – в душе, и всё наладится как-то само собой, а может, даже включится и заработает то, что показалось нам когда-то лишней деталью в нашей биологической машине.

Мне вполне хватало сейчас этого: море, рыбаки на лодках, чайки, рыба, заходящее солнце, темнеющие согнутые спины островов вдалеке, похожие на огромных спящих китов. У меня было всё, во что можно верить, – приближающаяся ночь... А дальше – самое интересное, как в настоящей сказке...

Алиса была убеждена, что всё происходит так, как ей нравится, и то, что ей нравится, – происходит. Она считала, что с ней не может случиться ничего плохого, если она не будет думать о чем-то плохом, ибо человек, как магнит, притягивает к себе разные энергии.

Я давно замечала за ней такую особенность: видеть только хорошее и забывать напрочь то, что было плохого в ее жизни, как будто это было не с ней, а с другим человеком. Такое перманентное обновление. Птица Феникс. Что-то из области фантастики.

Но вдруг это и есть – наше будущее: новые технологии, но только природные, естественные, способные обновлять нас, как живая вода.

У меня складывалось впечатление, что Алиса умеет необычным образом чувствовать то пространство, в котором она находится, входить с ним в контакт на каком-то интуитивном уровне, договариваться с ним. Но думаю, что она об этом даже не догадывалась, ведь не может человека удивлять то, к чему он привык, или то, что было у него всегда. В нашем трехмерном пространстве не очень-то разбежишься для того, чтобы взлететь, потому и не летаем.

Ее жених Матвей совершенно не понимал, чего ей нужно еще, говоря простым языком. По его мнению, всё так отлично складывалось. В фирме отца он был его правой рукой после

того, как окончил учебу в институте и стал самым доверенным юристом. Он выполнил условия родителей: не жениться до окончания учебы. А теперь волен был поступать со своей жизнью так, как ему хотелось. И хотя Алиса, судя по всему, не была той девушкой, о которой они мечтали как о жене сына, им пришлось с этим смириться или сделать вид, что смирились, потому что не удалась попытка свести его с дочерью их богатого друга, который знал Матвея с детства и тоже питал надежду на подобный союз. Наталья довольно часто мелькала перед Матвеем. ещё детьми они играли вместе, но ничего, кроме дружеского отношения к ней, Матвей не испытывал никогда. Было даже странно представить её рядом с собой в качестве супруги, скорее – в качестве сестры, с которой можно иногда повздорить, даже наорать на нее, как на младшую, надоедливую девчонку, иногда поговорить по душам, но всё это было не то, чтобы потерять голову и мечтать о ней, и желать ее, как женщину. Может быть, сама Наташа относилась к нему иначе, но если бы он об этом узнал, то это бы только напрягало его и тогда их панибратские отношения сошли бы на нет... Практически так и произошло, когда она с удивляющим постоянством стала появляться в их доме по каким-то дурацким причинам или просто случайно: «вдруг зашла». Вначале он не придавал этому значения: «привет – как дела – что нового» и т.д. – ни о чем в общем. Но ласковые улыбки матери, бросаемые на Наталью и на него, прочерчивали недвусмысленный угол, соединяющий его с этой девушкой... Матвей чувствовал, что в этот угол его хотят загнать, звериное чутье не могло обманывать. А когда Наталья оказалась с ним вдвоем в доме, после каких-то неведомых ему манипуляций, приведших к тому, что родителям нужно было срочно уехать, а у него, как назло, сломалась машина, чтобы отвезти Наталью домой, ведь она, как ни странно, оказалась без машины, потому что сюда её подбросила подруга, и эти все совпадения показались Матвею странными.

Он очень не любил, когда что-то замышляли за его спиной... Конечно, были и прямые разговоры матери с ним о том, что Наташа очень воспитанная, умная и привлекательная девушка, да что там привлекательная – просто красавица, она так её расписывала перед Матвеем, словно собиралась её продать, и подчеркивала, как дорого она стоит: учеба в Лондоне, богатый отец, дом-дворец и всё такое. Матвей как-то не выдержал и сказал прямо: «Что ты мне её предлагаешь так откровенно-цинично? Тебе самой не противно?» Мать обиделась, хлопнула дверью, сказав на ходу, что он дурак, и удалилась. Утром за завтраком она делала вид, что ничего не случилось. У них в доме это часто практиковалось, и Матвей замечал ещё с детства, что перед ним как будто разыгрывают спектакль в несколько актов: счастливая пара, счастливая семья, безупречные родители. Однажды он услышал случайно, входя неожиданно в комнату: «Только не при ребенке, не надо, чтобы он догадывался». О чем должен был он не догадаться, Матвей не очень-то и стремился узнать. Он жил в своем мире подростка, получающего от жизни то, что хотелось, но, может быть, не всё, человек существо ненасытное, но вот по поводу чего он не парился, так это насчет разгадывания семейных тайн. Впрочем, давняя история...

А вот эпизод с Натальей, который был явно подстроен, уже разозлил его. Правда, был ещё совсем простой вариант: вызвать такси и отправить её домой, но это на крайний случай он держал про запас. Его разбирало любопытство: до чего они все додумались и в какие границы укладываются их фантазии на его счет.

Но почувствовал себя полным идиотом в тот момент, когда Наталья обняла его за шею и спросила: «Ты не находишь, что мы прекрасно смотримся вместе?» Как? Вот так примитивно, так сермяжно просто? – удивился он про себя. Они как раз стояли напротив большого зеркала, и Наташа была в отличном ракурсе со своей оголенной спиной и точеной фигурой, обтянутой платьем, сбоку это выглядело особенно заманчиво. Что мешало ему этим воспользоваться? Красивая девушка сама тебя клеит, а ты такой весь из себя недотрога. Смешно. Останавливало только одно – игра, продуманная кем-то игра, в которой он был пешкой и им двигали. Матвей криво усмехнулся и развел в стороны руки Наташи, задержавшись на минуту в этой

позе, словно он раздумывает: схватить её на руки и потащить в постель или наброситься на неё прямо здесь. Ему доставляло удовольствие наблюдать за ней, она явно была уверена, что именно это и сделает настоящий самец, но он играл, только теперь уже в свою собственную игру, в которой никто не мог манипулировать им. Ведь если бы он повелся на это неслабое искушение, потом начались бы мамины сетования, Наташкины слезы по поводу того, что она доверилась ему, а он... И подобный бред, вплоть до сакраментальной фразы: «я беременна». У него это промелькнуло в голове одним кадром.

Матвей сел в кресло, положив ногу на ногу, и налил себе вина. То, что он испытывал к Наташке раньше, когда считал её своим другом, вдруг моментально улетучилось. Дело было не в том, что если бы Наташе хотелось с ним секса, он бы стал упираться, но это «если» должно было быть только её желанием, а не придуманной кем-то сценой соблазнения. Он бы запросто переспал с ней, почему нет, но не в роли выбранной жертвы. «Какая же она дура», – думал Матвей, глядя на то, как Наталья, ошарашенная таким ходом событий, не зная, что ей делать, просто вышла из комнаты. После чего Матвей поднялся к себе наверх, завалился на постель, даже не разбирая ее, и сразу уснул.

Утром за завтраком он увидел родителей, но Натальи уже не было... И опять все вели себя так, будто ничего не случилось. Видимо, они уже узнали о неудавшейся подставе с их стороны и затаились. Матвей именно так это расценивал, потому что, зная свою мать, понимал: она попытается предпринять ещё что-нибудь. Но всё-таки он был её сыном и упрямство у него бурлило в крови, так же как жажда свободы – принимать решения самому.

Вскоре он столкнулся с Алисой в прямом смысле (он знал её по институту – правда, она была первокурсницей тогда), и вдруг – совсем другая ситуация: она шла по коридору, уткнувшись в телефон, видимо, писала кому-то сообщение, а он шел к своему другу, который остался учиться дальше в аспирантуре, вот они и пересеклись: Алиса просто налетела на него. Было смешно видеть, как она растерялась, оказавшись чуть ли не в его объятиях. Позже Матвей часто вспоминал их столкновение в коридоре института и говорил Алисе: «Судьба бросила тебя мне в руки, и я не могу отказаться от такого подарка». Но в тот момент он удивлялся тому, как мог не заметить эту девушку раньше. Особенной скромностью Матвей не отличался и с удовольствием вместе с ребятами своего курса ходил посмотреть на новеньких девчонок, то есть на первокурсниц, чтобы не пропустить мимо какую-нибудь красавицу. Он видел ее, но даже не поинтересовался, как зовут, – значит, не обратил внимание. Да и после того она попадалась ему на глаза... Правда, в то время он встречался с однокурсницей Ритой, девушкой бойкой, помешанной на спорте и здоровом образе жизни. И если спорт ещё как-то их сближал: лыжи зимой, теннис летом, то со здоровым образом жизни не заладилось. Матвея хватило ненадолго, эксперимент закончился, подопытный остался жив – и то хорошо. Рита не очень убивалась, найдя быстро в параллельной группе более стойкого или более сдвинутого на этой идее парня. Про другие свои увлечения Матвей вспоминать не любил, потому что это был такой период его жизни, когда он вообще мало что мог вспомнить по утрам в незнакомой квартире с малознакомой девушкой рядом. Проведя логическую цепочку, ему удавалось проследить ход событий: клуб, коктейль, несколько коктейлей, потом что-то крепкое, потом девушка с коктейлем, и дальше уже нечетко: ночь, машина, лифт многоэтажного дома, темная прихожая, девушка без коктейля и без одежды, затем – глубокий сон, как провал в горах – и башкой вниз: больно, голове больно утром, а утро – потому что светло.

В продолжении о свете: какое-то время – осознание себя личностью, к чему-то стремящейся, отсюда следует: посещение лекций, ужины в кругу семьи, расчистка снега на даче по выходным, здоровый сон и бодрая ходьба на лыжах. Еще: перелистывание страниц книг в дедовской библиотеке и дневник за шкафом, в который он что-то писал, горячие пироги с грибами, с рыбой под каким-то мудреным соусом и... И всё. Дальше: музыка, вибрация тел под нее, неестественно громкий смех. Почему, блин, так весело? Да и фиг с ним... Коктейль,

девушка с коктейлем, ну дальше уже известно где, как, куда... Неизвестно – зачем, но это позже: в период осознания себя личностью и дальше тоже известно, с чем пироги и какой запах у старинных книг в шкафу за стеклянной дверцей. Как во всем этом могла появиться Алиса? Да никак.

Прогуливаясь с ней по присыпанным первым снежком аллеям, Матвею даже не приходило в голову рассказывать ей о своей жизни. Такая исповедь повергла бы её в шок, так он считал, глядя на это хрупкое существо. Он и сам не понимал, почему их конфетно–цветочный период продолжается так долго, откуда только бралось терпение ждать, пока в ней самой что–то вспыхнет, какой–то огонек загорится в глазах, уж он–то знает, что это, – значит, и не пропустит такой момент ни за что.

Но то был не огонек, а бушующее пламя, чего он никак не подозревал в этом, казалось, интеллигентно–возвышенном и несколько отрешенном, вернее – несколько отстраненном от бренного мира создании. Тем сильнее была его радость и гордость победителя, будто он поднялся на вершину горы или решил нерешаемую задачу.

Алиса притягивала его своей непредсказуемостью. И когда они стали жить вместе в бабушкиной квартире, так как она летом обитала на даче, а зимой была в их доме в Москве, Алиса не переставала его удивлять. Она двигалась бесшумно, как кошка, всегда находила самые уютные места в комнате, создавая как бы свое личное пространство, где она могла читать или думать. О чем думала она, Матвей не знал, это было уже границей её пространства. Ему было достаточно и того, что она не «пилила» его, когда он задерживался, и не приставала с вопросами «где был?». В общем, это совсем не было похоже на его прошлый опыт общения с девушками. Но самым невероятным казалось то, что она не заводила разговоров о замужестве и даже не намекала на эту тему. Матвей задумывался почему и в конце концов сделал ей предложение. Это получилось спонтанно: без красной коробочки с колечком, без шампанского во льдах и белого парохода в синих водах. Они ехали в машине, Матвей периодически бросал руль, показывая Алисе, что у него дрессированная машина и может ехать сама, что пугало ее, а его веселило. В какой–то момент Алиса вцепилась Матвею в плечо, когда мимо промчалась машина на дикой скорости, как будто за рулем был полный псих, обкуренный или ширанутый... И Матвей, коснувшись свободной рукой её рассыпанных по его плечу волос коньячного цвета, сказал ей, улыбаясь: «Алиска, а давай всегда будем вместе, подпишем все нужные бумажки и ты никуда от меня не сбежишь». Странно, что прозвучало именно это слово «не сбежишь»... Алиса как–то по–детски замахала утвердительно головой и чмокнула его в щеку, что он посчитал исчерпывающим ответом. Дальше они продолжали жить вместе, строя планы на будущее.

Ее непредсказуемость иногда раздражала Матвея, особенно когда Алисы не оказывалось дома, а он уже приходил с работы. Сама она не рассказывала, но если он спрашивал – отвечала, где была и чем занималась, но чувствовалось, что ей это неприятно. Матвей уговаривал себя, что всё изменится, как только они распишутся, что поведение Алисы всего лишь издержки детского инфантилизма, а вот родится ребенок, тогда она переключится на него от своих внутренних метаний. Он считал себя чуть ли не виноватым в том, что предложил ей выйти замуж после того, как они почти два года прожили вместе. Он считал, что такая неопределенность могла повлиять на Алису – она ещё не почувствовала, что может положиться на него полностью, но он обязательно ей это докажет. По–другому видеть то, что происходит с Алисой, он не мог, потому что сам был человеком цельным, то есть знающим свою цель и идущим к ней. Но когда он спрашивал о ее цели, она отшучивалась: «У меня слишком маленькая цель, боюсь, что если начну в нее целиться, могу промазать». В этом была вся Алиса: она переводила в шутку самые серьезные вещи, но обращала внимание на какие–то мелочи, делая их значительными, и могла с воодушевлением говорить о том, к чему Матвей в лучшем случае относился с иронией, а к самой Алисе – как к ненаигравшемуся ребенку. У него хватало ума не читать ей нотации и

не призывать смотреть на жизнь по-взрослому, хотя иногда просто распирало от желания это сделать. Последний их разговор был за гранью понимания Матвея. Они говорили о возможности устроить Алису юристом в фирму его отца. Он предварительно переговорил с родителем и тот дал согласие. Казалось бы, Алиса должна была прыгать от радости: такая удача, это вам не в суде бумажки перебирать (на что ещё могла рассчитывать молодая выпускница вуза?). Но Алиса, к его удивлению, отреагировала не так, как он ожидал:

– Я еще не решила, чем буду заниматься, – сказала она.

– В смысле? – удивился Матвей.

– В прямом смысле. Не знаю. Мне нравится движение.

– В смысле? – переспросил он, чувствуя, что тупеет, не находя других слов в диалоге с ней.

– Я хочу путешествовать.

– Мы будем путешествовать. Хочешь, на острова какие-ни-будь слетаем?

Алиса сложила ладонь так, что соединились все пальцы вместе, и провела ею по воздуху, изображая летящий самолет:

– Слетаем? Самолет, как большая белая птица, может – лебедь, может – журавль. Тебе кто больше нравится?

– Не дури. Я же серьезно говорю.

– И я серьезно. Что не так? А если у меня поменялись планы...

– Не смейся. Когда у тебя были какие-нибудь планы? Ты же как мотылек живешь – порхаешь с цветка на цветок. Ты не имеешь представления о таких вещах, как планы, ответственность, продуманность деталей, расчет до каждой мелочи. Тебе эти слова не знакомы в принципе. Ты не смотришь в будущее даже на неделю вперед. Не имеешь понятия о том, что мне стоило уговорить отца.

Тут он остановился, понимая, что этого не нужно было говорить, но теперь уже необходимо как-то затушевать сказанное:

– Я это в том смысле, что он раньше уже кому-то пообещал место юриста.

– Вот и чудесно, – излишне весело отреагировала Алиса. – Всё складывается как нельзя лучше. Вселенная на моей стороне.

– Алиса, опомнись! Какая Вселенная? У нас с тобой скоро свадьба. Мы решаем, каким станет наша жизнь после этого.

– Тебе ведомо будущее? Ты – великий предсказатель человеческих судеб? – серьезно спросила она, и в ее глазах появился странный блеск, которого Матвей боялся, потому что это не сулило ничего хорошего. «Как перед грозой, – пронеслось у него в голове, – она что-то задумала».

Алиса как будто не заметила его замешательства и продолжала говорить:

– Знаешь, чем отличается отдыхающий от путешественника? Путешественник не знает, что с ним может приключиться на пути. Он проживает свою жизнь, идя по ней, изучая, восхищаясь и внимая ей, готовый в любой момент ко всему. А отдыхающий – отдыхает от той жизни, которая ему надоела, утомила, но другой-то у него все равно нет, не важно, хороша ли она для него или не очень, – выбор уже сделан однажды раз и навсегда. Он закрыт для других возможностей, потому что боится что-либо менять.

– А если он не хочет ничего менять? – спросил Матвей, чувствуя почему-то, что она говорит о нем.

– Тебе с этим жить, – ответила Алиса.

И было страшное ощущение, что она как будто закрыла раздвижную дверь между ними. Дверь была прозрачная: они ещё видели друг друга, но не могли приблизиться и обняться. Что-то мешало, какая-то сила не давала Матвею подойти к ней. Он не понимал, что происходит, и ему хотелось думать, что это происходит во сне и не с ним, а он просто смотрит со стороны

эту сцену и сейчас всё закончится. Раздадутся аплодисменты, актеры раскланяются и зайдут за кулисы. Он посмотрел на оконные шторы и подумал: «Какие же они тяжелые, они закрывают свет и не пропускают воздух, ничего не пропускают».

Алиса в это время была уже в прихожей. Он повернулся к ней и из комнаты увидел, что она показывает ему ладонью тот жест, изображающий летящий самолет или большую белую птицу. Он так и не понял – что именно. Дверь закрылась, как от сквозняка – гулко, резко, вдруг. Матвей не стал бежать за ней, его охватило какое-то оцепенение, но одна обнадеживающая мысль ещё была, и он держался за неё изо всех сил: «Вернется. Проголуется и вернется».

3

Меня разбудил звук кофеварочной машины. Хозяйка, у которой я жила в Париже, готовила маленький французский завтрак, если перевести дословно фразу «le petit dejeuner». Видимо, утром она ходила в магазин, чтобы купить круассаны, а затем в микроволновке чуть подогреть их, потому что они были хрустящими и теплыми, когда она вместе с кофе выставляла их на стол.

Вылезать из постели не хотелось. Потягивая носом аромат кофе, доносившийся из кухни, я заглянула в мобильник, чтобы посмотреть в интернете новости. Почему я это делаю каждое утро? Каких новостей я жду и что нового я хочу узнать об этом мире? Неужели я все ещё верю, что может произойти невероятная вещь и эта реальность станет совершенным местом для проживания?

И вот: «26-летняя Ангела Покса, уроженка города Сивильи, признана «Мисс Испания–2018. Самая красивая женщина Испании – трансгендер». И дальше следовало по теме о том, что какой-то американец три года прожил в женском теле и решил, что быть женщиной слишком накладно. По этой причине он передумал и снова стал мужчиной.

– Мир забыл, куда он шел, – сказала я вслух, зная, что, даже если кто-нибудь услышит меня, все равно не поймет, потому что я была единственной русской в этом доме. В другой комнате жила семья мексиканцев из трех человек: мужчина, женщина и девочка лет четырех. Она что-то щебетала во дворе, когда я проснулась. Но сегодня они собирались уезжать. Сама же хозяйка–француженка, бойко говорившая со своими постояльцами на английском языке, русского, конечно, не знала.

Завтрак ждал меня во дворе, где стоял большой деревянный стол, неизвестно какого века, окруженный тремя такими же старыми стульями с чуть изогнутыми спинками. Недалеко от стола на кресле–качалке сидела хозяйка, а рядом с ней крутилась собака. У пса почему-то было испанское имя Игнасиос. Я подозвала его к себе и угостила йогуртом, небольшое количество которого положила на бумагу, чтобы не испачкать плитку, украшающую собой часть двора. Игнасиос понюхал угощение, внимательно посмотрел мне в глаза, и в его блестящих черных зрачках я прочитала: «Ты – хорошая, но это – не мое». Да, у меня тоже такое бывает: не мое и всё тут, хоть рекламируй, хоть денег дай – не мое. Игнасиос очень мил: коричнево–бежево–белого окраса, как раз любимого мною сочетания. Песик был среднего роста, на не очень высоких, но крепких лапах, да и сам по себе – крепок и в меру упитан, ещё довольно молодой и к тому же сообразительный... Он привязался ко мне, и утром тайком пробирался в мою комнату, каким-то образом открывая дверь, которую я не запираю на ключ. После чего с нетерпением топтался у кровати, ожидая моего пробуждения. Я взидала на Игнасиоса приоткрытыми глазами, пока он не догадывался, что я мухлюю и на самом деле уже не сплю. Тогда он начинал суетиться, изображая всем своим видом, что уже заждался, когда я встану. Потом он ходил следом за мной, пока я наконец не выходила во двор. За компанию он присутствовал на моем завтраке каждый день, вписываясь в общую картину на фоне дерева с красными листьями, хотя до осени было ещё далеко.

На двух языках я пыталась узнать у Мари, как называется это чудо, столь ярко изображенное природой, словно мазками Вон Гога. Оказалось, что это миндальное дерево. Я впервые увидела его здесь и удивилась. Так же, как и парижскому метро, которым так гордятся французы по причине его возраста. Но это является единственным преимуществом, как мне кажется. Я так понимаю, что в Париже не живут или не выживают люди преклонного возраста, физически ослабленные, не говоря уже об инвалидах, хотя, может быть, они все богаты и ездят исключительно на такси, которое, кстати, очень дорогое в Париже. Потому что в другом случае этот вид транспорта для перечисленных категорий очень проблематичен. Ведь чтобы под-

няться наверх к поезду и попасть на нём в центр города: к Триумфальной арке или в Люксембургский сад, – нужно было преодолеть шесть лестниц и ещё один маленький эскалатор.

Вроде бы я жила не в самом забытом Богом районе, чтобы говорить об этой станции, как об исключении. Потом выяснилось, что я была права и это не единственное неудобное метро в городе.

Транспорт вообще странная вещь в Париже, там по дорогам в основном мчатся автомобили и мотоциклы. Такси где-то все время прятались от меня, пока я не поняла – где. Оказалось, что существуют специальные стоянки и там реально стоят свободные машины. Но я зря так рано обрадовалась такому открытию. Подхожу к одной из них, показываю водителю адрес, по которому нужно ехать, но женщина-таксист говорит: «Нет, я пойду поем». Приближаюсь с надеждой к другой машине, но стоящий рядом с ней мужчина-здоровяк восточной наружности: то ли араб, то ли перс, в общем – француз, отвечает на мой призыв отвезти меня по данному адресу так: «Я не знаю, где это находится». Черт, они не знакомы с навигатором или у них не продается карта города? Хотя я всегда думала, что такие знания априори заложены в голову людям этой профессии. Ну что ж, у меня была последняя попытка: подхожу ещё к одному водителю. Теперь это был мужчина средних лет, черный, как уголь, и с таким упитанным лицом, по которому видно, что он точно не страдает от недоедания и не пойдет именно сейчас кушать, как дамочка в первом случае. Я надеялась, что он уже поел и не один раз за сегодня, но мне всё равно не повезло... Но о чудо: немного поработать соглашается тот самый марокканец, с которым я ехала из аэропорта Шарль де Голль. Неисповедимы пути Господни. Я запомнила его, потому что он вез меня в город, как будто на встречу с Богом. В России это называется агрессивным вождением, а здесь – просто ездой. Водители в Париже очень эмоциональные, храбрые и всегда правы на дороге, им всего лишь не хватает знаний дорожного движения или терпения их применять. Пешеходы тоже очень храбрые и самоотверженные люди: ходят на любой цвет светофора с одинаковым спокойствием, как дальтоники или слепые, которые просто не в курсе, какой свет там зажегся в светофоре и где он вообще, этот светофор, находится.

С марокканцем мы поговорили о футболе, о чемпионате мира, который проходил в это время в Санкт-Петербурге. Он убеждал меня, что наш президент и Россия в целом – это очень хорошо, а Америка – это очень плохо, и сделал жест ладонью, символизирующий отсечение головы. Я испугалась, инстинктивно вжавшись в сиденье, но он миролюбиво улыбнулся, сверкнув своими белыми зубами, от чего мне полегчало. Я знала, что марокканцы очень любят французов у себя на родине и многие мечтают свалить во Францию, если повезет. Что же касается предпочтений, то, по-моему, это всего лишь хитрости бизнеса, мне кажется, что точно так же он мог бы хвалить любого пассажира, откуда бы тот ни приехал.

Из опыта общения, и не только с таксистами, я поняла, что ненавидят нас, русских, только Тереза Мэй, американский сенат и некоторые политики из других стран, стоящие рядом плечом к плечу, как это показывает нам телевизор. Но по-настоящему – с какой-то животной ненавистью – относятся к нам только украинские националисты и оскотинившиеся от русофобии, с отмороженными напрочь мозгами от тамошней пропаганды, те самые последователи их нацистской идеи, прорастающие всё масштабней в этой забытой Богом стране, в прямом смысле забытой, ибо то, что там сейчас происходит, это уже сатанизм с элементами вуду.

Но какое мне дело до них здесь, в мире людей, когда я сижу в Люксембургском саду и слушаю птичье пение под французскую речь? Закрыв глаза, я наслаждаюсь щебетом трех дам, не очень молодых, но очень энергичных, которые, приблизившись друг к другу, говорят о сущей ерунде. Одна из них протирает очки подолом юбки, задрав её до самых бедер, оголив на всеобщее обозрение всю верхнюю часть ноги. А плевать ей на всё! Одно слово – французы. Это – нормально.

Привет тебе, Франция! Не плачь, что тебя достали беженцы из Африки, они же иногда работают, в то время, когда твои парни с милыми девушками на лужайках в Люксембургском саду пьют бордо. ещё работают китайцы и, к сожалению, некоторые из них в *Taxi parisien*. Один такой китаец возил меня вокруг Эйфелевой башни, пока не накрутил 50 евро. Он искренне удивлялся, как будто сегодня впервые узнал, что рядом с этой башней идет ремонт, что там всё раскопано и подобраться к ней ближе невозможно. Не надо думать, что я полная идиотка, а ты только сейчас оказался здесь, в центре, куда мотаешься каждый день с пассажирами, а теперь размахиваешь руками и сокрушаешься, хитрая рожа. Но деньги пришлось заплатить.

Собираясь лететь в Париж, я больше всего боялась встретить толпы беженцев, но встретила толпы китайцев: они не ходят по одному, обязательно коллективом, фотографируя себя на фоне чего-нибудь, без разницы чего... Один и тот же кадр делают по десять раз: китаец с открытым ртом стоит несколько минут, потом тот же китаец в той же позе на том же месте, с открытым ртом. Да закрой уже его и иди с миром. Я тоже хочу один раз щелкнуть себя у фонтана. Кстати, они скупают шикарные дома с видом на Сену в центре Парижа. О-ля-ля. А у бутиков, в которые парижанки нечасто заходят из-за дорогих цен в них, толпятся китайки, скупающие все, что им приглянется. Увидев собрание азиаток у бутика, я решила, что там какая-то распродажа, но оказалось, что это обычное явление на улицах Парижа. И мне стало обидно за тех парижан, у кого нет достаточно денег...

Но не всё так однозначно, как может показаться. Удовольствие от жизни достигается разнообразными способами. Все парки, сады и лужайки полны людьми, отдыхающими на пленере: они никуда не торопятся, потому что торопиться им никуда. Благословенные Мане и Моне, как вы были правы со своими завтраками на траве! Жизнь прекрасна. Плюс тридцать градусов. Вокруг водоемов, бассейнов и прудов на стульях и шезлонгах тоже утомленные солнцем люди загорают. Все довольны, даже утки: вот две небольшие уточки вылезли из воды и, не обращая внимания на людей, лежат под стулом в тени.

Кстати, никто не объяснит мне, почему в столице мирового туризма не могут почистить небольшой пруд, жутко грязный, где плавают уточки и почему-то ещё живые рыбы. Реально: рыбы в длину с две ладони. Они барахтаются у самой поверхности воды, и это понятно: ниже дышать нечем в абсолютно желтой и мутной субстанции с кучей мусора наверху. Да пофиг всем. На лужайке рядом с деревом, растянувшись на траве, спит мужчина, ну чисто «Послеполуденный сон фавна». Картина живописная, впрочем, как всё здесь. И полная релаксация...

Активны только гарсоны в кафе и в ресторанах. До чего милы: такое чувство, что они любят тебя от всего сердца: «Да, мадам, спасибо, мадам». Узнав, что я русская, говорят «спасибо» на русском языке, полагая при этом, что все русские невероятно богаты и, значит, с них можно содрать побольше денег. Наивные. Луковый суп, улитки и настоящее французское шампанское – бокал шампанского. На мою просьбу принести полусладкое гарсон объясняет, что такого не существует в природе, а то, что в России называют шампанским, – всё неправда. Я соглашаюсь сразу, ему, как француз, виднее: напиток все-таки их, что там ни говори. Для себя решаю, что брют, который я пила в новогоднюю ночь дома, по вкусу совсем другой, чем то, что я пью сейчас, к тому же сама атмосфера парижского вечера, когда за спиной у тебя Эйфелева башня, придает неповторимый вкус, забыть который невозможно.

Возникшие за соседним столиком три молоденькие американки с удовольствием кокетничают с гарсоном. А как иначе? Основные качества для этого у него имеются: он молод, он весел и он – француз. *C'est tout!* Но он зря надеялся, что они сделают большой заказ. Три порции мороженого – и вся любовь.

Первый свой вечер в Париже я провела в «*Bistro Le Chams de Mars*». Не воспользовавшись салфеткой, я оставила её себе на память, вот она: красная салфетка с каллиграфической надписью, что переводится на русский как «Бистро Марсово поле». Когда она попадаетея мне на глаза, я улыбаюсь, и уже это говорит о необходимости путешествий.

Вечерний Париж – это сбывшийся сон. Но главное – другое, и это уже граничило для меня с чудом: именно в Париже я увидела, как тоненькая парижанка на тоненьких каблучках перебежала дорогу на красный свет. Впереди у нее вся жизнь, если машина будет ехать медленнее, чем она бежит. Непредсказуемо! Для тех, кто живет минутой, часом, одним днем. Думают ли они об этом? Скорее всего, нет, ибо наслаждаться жизнью и одновременно думать – невозможно, если сравнить это удовольствие с основным инстинктом (еще неизвестно, впрочем, что чем движет: жизнь им или он жизнью)...

Девушка, на которую я обратила внимание, была Алиса. Да, ещё до Сицилии я увидела её вначале здесь, сразу после того, как она исчезла из Москвы.

Думаю, что определить, куда именно вылетела девушка, зная имя и фамилию, для Матвея не представляло труда. Но найти её в Париже смогла только я. Что значит – найти? Увидеть мельком. А куда она убежала на своих каблучках, мне было неизвестно. И к тому же тогда я даже не знала, что произошло в их семействе. Позже мне рассказала одна знакомая, которая так же, как я, была знакома с матерью Матвея и находилась в курсе некоторых событий. Она ещё в Москве перед моим отъездом сюда просила меня зайти в один дом и передать подарок для родственницы. Потом позвонила мне – удостовериться, так как сюрприз должен быть преподнесен именно ко дню рождения. Я всё сделала правильно. Но в разговоре с ней просто так спросила: «Как дела вообще и в частности?», и она вдруг начала рассказывать мне, что случилось невероятное: от Матвея сбежала невеста и по этому поводу идут разговоры... Сами разговоры мне слушать не хотелось, но такая новость меня удивила. Поэтому появление Алисы в этом городе практически рядом со мной было фантастической случайностью, хотя и фантастика, и случайность – явление, ещё не понятые мной до конца. Люди способны верить во что угодно. Ведь когда аборигены Меланезии впервые увидели самолет, они восприняли это как божественное проявление. Так появился карго–культ (от слова cargo – груз, что перевозят самолеты и корабли). Эта новейшая система верований, делающая частью культа предметы, созданные людьми, которые намного дальше продвинулись в своем техническом прогрессе, чем эти народы.

Вот сейчас стало реально страшно за человечество. Разве мы сильно отличаемся от последователей этого культа, заболевшие вещизмом, техническими штучками, к которым мы приросли, не в силах оторвать глаза от экрана телефона или смартфона? Не эта ли наша религия? И вот чему мы поклоняемся на самом деле и без чего не можем прожить. О чем вы думаете, выходя из дома утром? Не забыл ли телефон, заряжен ли он, не забыл ли зарядное устройство и т.д. И пусть никого не смущает тот факт, что этот культ дикарей существует в нашем веке. Ну разве что мы не устраиваем шествия (за исключением очередей за новой версией айпада) и не призываем богов ниспослать нам еды и вещей. Для тех людей это логично: ведь они получили помощь с неба в буквальном смысле – им её сбросили эти умопомрачительные железные птицы. Кто посмеет подумать, что это не так? Если какой–нибудь замшелый абориген верит в то, что небесное божество ниспошлет ему дождь, то «продвинутый» адепт карго–культа верит в то, что божество приведет к нему самолет с гуманитарной помощью. А способность куска крылатого железа удерживаться в воздухе и не падать объясняется поддержкой богов (а как иначе?). Поэтому эти люди строят нелетающие самолеты и возводят деревянные взлетные полосы для них в надежде, что по какой–то высшей воле они когда–нибудь взлетят. Они верят, что кока–колу им посылают боги, а двигатель внутреннего сгорания считают колдовством.

Альтернативная религия, альтернативная история, альтернативная жизнь. Например, в Библии не сказано четко, что Ева съела именно яблоко, а не банан, ананас или что–то другое. Написано: «плод», хотя, может, это было и яблоко, я не опровергаю, я уточняю... Из вредности ещё поинтересуюсь, почему 25 декабря родился наш Господь? Древние эллины как раз в этот день, например, праздновали день бога Митроса, рожденного девственницей. Не будем перебрасывать никаких мостиков. Вера – это вера, а не какая–то там история. Вот об истории

можно поговорить. Говорят, что Магеллан совершил кругосветное путешествие, но ведь по дороге он был убит на Филиппинах, поэтому прошел лишь половину пути, это же очевидно, но не исторично, как получается.

Тот же казус и с Колумбом (Ирвинг Вашингтон считал, что до Колумба все думали, будто Земля плоская). Но как же тогда тот факт, что с IV столетия до н.э. никто не думал, что Земля плоская, да и сам Колумб, если быть точными, полагал, что она имеет форму груши, и это вполне объяснимо, потому что Багамские острова, до которых он только и сумел добраться, как раз имеют эту самую грушевидную форму. Так что негатив, направленный на Колумба, якобы открывшего Америку, оставьте себе. Не виноват он в этом нисколько и никогда.

Я лежу на мягкой постели, в комнате, на стене которой огромная карта мира, – видимо, по этой причине в голову лезут подобные мысли. А еще меня мучают смутные сомнения по поводу виллы... Это двухэтажный дом на la Voers в Париже, где две комнаты первого этажа занимают постояльцы, а на втором – живет сама хозяйка, и я несколько раз видела, как она поднималась по деревянной лестнице к себе наверх. Но, если серьезно, почему улица с одноэтажными, двухэтажными домами и приятными зелеными двориками называется виллой? Из любознательности лезу в интернет и нахожу какие-то шпионские секретные данные. Неужели ничего проще нельзя было предоставить? Но что есть, то есть: «Данный географический объект располагается в часовом поясе Центральная Европа, координаты – 48.8809214, 2.390382». Да мне ни к чему такая точность, я же не ракетчик какой-то, хотя некто, может, и думает так, – здесь, на западе, одной моей национальности может быть достаточно для подобных выводов, знаю, проходили уже это самое хайли-лайкли.

Так вот, из моих секретных источников я знала, что это 19-й округ Парижа. Ну и славненько, денег на виллу всё равно у меня нет, так хоть название помпезное.

Но я уже успела заметить, что из себя представляет быт в округах Парижа, это булочные, продуктовые лавки, магазины одежды, школа, скверик с детской площадкой, местные жители с тележками для покупок, женщины с детьми, собаки с хозяевами, коты, идущие по своим делам с выражением большой занятости на морде.

Хорошо то, что здесь я могу слышать птиц, потому что жилище мое находится далеко от шумных улиц и сюда не доносится вся какофония звуков большого города, в которой растворяются все мысли, и ты просто сливаешься с ним воедино и живешь его жизнью, вернее, в его жизни, хотя упорно утверждаешь, что в своей, ну хорошо – в своей, в те полчаса, когда, вдыхая аромат кофе, смешанного с запахом выхлопных газов, идущих от проезжающих мимо машин, ты – истинный парижанин в этот момент, ибо кому ещё придет в голову почти на проезжей части поставить столики и пить кофе или есть улиток...

Во дворе дома, где я обитала, как-то днем я увидела улитку, живую:

– Тебя ещё не съели? – спросила я, но она даже не высунула голову. И тогда я подумала: а может, у нее нет головы и её самой тоже нет и это пустой домик, а мне просто показалось? Проверять я не стала, чтобы не расстраиваться. Но вполне возможно, что она выросла и поменяла домик. Где-то я читала, что есть такие прозрачные моллюски, которые на берегу моря собирают пустые домики улиток и носят их сами, чтобы быть менее уязвимыми для чаек.

Я ела улиток только однажды и только одну, о чем искренне сожалею (да, в тот самый раз, когда – луковый суп и шампанское). Правду говорят, что русские сентиментальны, но у меня это что-то другое: вроде как всемирное братство людей и животных. Я для себя делю мир на еду и на братьев, как-то так...

Не ешьте друг друга...

4

«О Франция! Ты страна Формы, равно как Россия страна Чувств!»³

Она по форме может быть совершенна, но никогда не перейдет границу этой формы. Из этого прекрасного кувшина не вырвется через узкое горлышко ни вино, ни вода. Ты можешь даже не знать, что именно заключено там, тебе и не нужно этого знать. Форма удобна и отдана на твое усмотрение без противоречий, без внезапного, чисто русского буйства, там внутри ничего не кипит, не переливается через край, не пытается освободиться от формы и вырваться наружу. Самое страшное, что тебя это устраивает: в ней нет никаких острых углов, она обтекаема и приятна для глаз, её можно потрогать рукой, ощутив все изгибы, и любоваться вблизи или издалека. Даже если внутри звенящая пустота, ты об этом не знаешь, потому что тебе удобнее этого не знать.

Бедный мой мальчик, когда-то тебе захочется разбить ее. И я предвижу твое удивление, но не в моих силах предупредить тебя, потому что великая сила формы – это её невозмутимая реальность существования: ни мечта, ни любовное страдание, ни слияние, ибо с формой нельзя слиться – она всегда самодостаточна и всегда отстранена, и по причине своей отстраненности она притягательна и удобна для того, кто устал преодолевать бурную и страстную текучесть жизни. Ты поверил в то, что в ней заключено всё, к чему ты стремился: потаённая твоя мечта и восхитительная иллюзия.

Можно было бы подумать, что я говорю о Франции или в обобщенном виде раскрываю значение слова «форма». Нет, это послание, которое я бы написала Матвею, если б мне представился такой случай, послание по поводу девушки, с которой он недавно познакомился, пытаясь залечить свое отчаяние, самолюбие, обиду и злобу, всю ту боль, что причинила ему Алиса, разрушившая его планы, связанные со свадьбой и счастливой жизнью с ней вдвоем.

Девушка со странным именем Ирада нашлась как-то сама собой, словно она незаметно кружила рядом и ждала удобного случая, когда можно положить свою прохладную ладонь на его разгоряченный лоб. Почему я употребила слово «кружила»? Я разделила её имя на две части и получилось что-то вроде этого: «ирий» и «ад». Ирий в скандинавской мифологии означает – «птичий рай», второе слово понятно без объяснений. Это соединение воедино двух противоположных значений удивило и потрясло мое воображение. Я подумала: «А если птица улетит, то что останется из этой формы имени?»

Матвей не озадачивался такими измышлениями и посчитал бы подобные разговоры глупостями. Ему нравилось новое ощущение, которое он испытывал рядом с этой девушкой: как будто она была нимфой Эхо, отзывающейся на всё, что говорил и чувствовал он и чего он желал. Матвей не имел никакого представления о том, что это всего лишь магическое свойство формы водит его по кругу и завораживает.

Конечно, мое письмо не дошло до его сознания или просто не дошло. Но моё дело – писать, чем я, собственно, и занимаюсь... Было бы глупо говорить, что писателю всё равно, «как слово наше отзовется», однако проверить на коротком участке времени, как правило, не удастся. И я предпочитаю не думать об этом вовсе: просто живу и просто пишу...

Франция удивила меня не столько своими архитектурными шедеврами (к этому я была готова), сколько ощущением чего-то нового, особенного. Внешнее различие было гораздо меньше, чем то, что исходило от людей, которых я встречала. Они, как будто через себя самих давали мне возможность увидеть этот мир их глазами, и он показался мне интересным и открыл то, чего, возможно, недоставало для моей жизни и моего романа.

³ Милаш Кундера.

Мари, как я случайно заметила, пила утром пиво, закусывая сырыми шампиньонами, даже не удосуживаясь их помыть. Это совсем не означало, что она пьющая и необразованная. Напротив, Мари сказала мне, что тоже пишет книги. На полках я видела книжки по искусству, и на корешках некоторых из них читались имена известных писателей мирового значения. Книги были на французском и английском языках (на последнем она довольно бегло изъяснялась со своими жильцами–туристами). Я подумала, что география проживания её постояльцев была внушительна, как карта мира, которая висела у меня в комнате. Я не знаю, зачем она там находилась: то ли для общего развития, то ли для сокрытия каких–нибудь дыр или огрехов ремонта, или за ней был потаенный вход в параллельный мир. Кто разберет этих писателей... Только я не стала, подобно Буратино, совать свой нос туда, мне вполне хватало приключений.

На первый взгляд, Мари было от пятидесяти и старше, понять это было сложно из–за её полного пренебрежения к своей внешности. В черном спортивном костюме она проходила всё то время, пока я жила у нее. Ноль косметики, седеющие волосы без всякого желания это скрыть краской. Всё говорило о том, что её не тревожило ничуть, какое впечатление она производит на окружающих (достаточно было её собственного впечатления о себе самой). Я не говорю, хорошо ли это или плохо, оценочная сторона – не мой конек, но знакомые мне женщины не пойдут даже выносить мусор без того, чтобы не взглянуть в зеркало. Привычка ли это или комплекс, каждый считает по–своему.

Зато во дворе стоял крутой мотоцикл, на котором она иногда ездила. То, что мне известно о ней, хватило бы на небольшой рассказ, если бы я не умудрялась раскручивать спираль деталей в длинную линию жизни, когда появляется конкретный образ и становится настолько близок тебе, что ты перестаешь воспринимать его, как героя своего повествования: он выходит из него и живет своей жизнью.

«Четыре мужа – четыре сына», – сказала она мне по–французски, спросив при этом, понимаю ли я ее. Видимо, это было для неё важно в тот момент. Я понимала и даже видела всех её сыновей. Старший приезжал из Марселя, и он производил впечатление странное, на мой вкус, но это потому, что я никогда так близко не общалась с геем. Собственно, он этого и не скрывал, здесь так принято. Мать тоже, судя по всему, относилась к этому спокойно, по типу: «что выросло, то выросло». И в конце концов, это был её сын, человек родной для нее. Хотя чувствовалось, что между ними присутствует некая напряженность, но я ничего не знала о тонкостях отношений этих людей, чтобы делать какие–то выводы.

На нём был белый костюм, белая шляпа и какого–то немыслимого цвета шарфик на шее (в тридцатиградусную жару), мне этот шарф запомнился больше всего из цельного облика молодого человека. Я не стала мешать их разговору, ради приличия обменявшись несколькими словами, ушла к себе в комнату. Но из короткого общения с ним я узнала, что он бывал в Санкт–Петербурге: «Ах, театр в Санкт–Петербурге!» И еще несколько «ах» – не помню, по какому поводу, но это было приятно слышать, хотя чуть меньше патетики и меня бы расположило чуть больше к нему.

Трое остальных парней я застала в другой день, возвратившись как–то вечером из центра города, уставшая до невозможности. Эти сыновья были заметно моложе первого. Простые и дружелюбные, они улыбались, здоровались, извинялись, входя на кухню, где я делала салат для себя. У них, видимо, намечалось что–то вроде барбекю – то, что у нас называется шашлыком. Парни всё привезли с собой, и во дворе готовились это довести до нужной кондиции, чувствуя по запаху, исходящему оттуда. Потом вместе с матерью они сидели во дворе за столом: ели жаренное мясо, пили красное вино и разговаривали. Тут же во дворе носился Игнасиос, повизгивая от удовольствия, он нарезал круги, что у собак называется радостью.

Я задернула шторы в комнате, чтобы не смущать их своим явным присутствием и не смущаться самой, но окно из–за жары было открыто, поэтому в этой вечерней полутьме я могла слышать их разговор. Меня поразило то, что говорили они о Вольтере, о Пикассо и о театре.

Наши все темы в основном укладывались в однообразную позицию, если собираются вместе родственники: житье–бытье–нытье и дети–внуки. А это был разговор людей, которым интересно друг с другом не потому только, что они – семья, а потому, что каждый из них сам по себе интересен, каждый живет своей жизнью. Наверное, у них тоже куча проблем и они их как–то решают, но приятно, когда есть между людьми нечто большее, чем этот житейский пласт, чисто физический. Это редкость. Я, конечно, предполагаю, что в трудную минуту они способны и выслушать, и помочь, потому как родные люди все–таки... Но мне стало даже грустно оттого, что наших детей мы интересуем просто как родители и мало кто из них способен увидеть ценность других наших качеств. И друзья к нам приходят в трудную для них минуту, и это хорошо – значит, доверяют... Но получается, что у нас тогда вся жизнь – трудная минута, а когда от тебя ничего не нужно, человек, которого ты считала другом или даже близким человеком, просто сваливает с твоего горизонта, не прощаясь, по–английски. Это из пережитого...

Но лучше – из настоящего: может быть, кто–то из этих ребят являлся художником, мне так показалось из разговора, но не факт, наличие разнообразных интересов ещё не делает нас профессионалами. Они часто смеялись, и было понятно, что им хорошо всем вместе. Возможно, они не часто встречаются, но зато от души – когда действительно появляется необходимость увидеться, желание быть рядом.

Если говорить о внешнем, то одеты они были слишком просто, на мой вкус. Равнодушие к одежде здесь бросается в глаза и ломает все стереотипы наших представлений о том, что в Париже ходят люди, вышедшие с обложек модных журналов: это же Париж! По возвращении в Россию знакомые будут спрашивать меня: «Как одеты парижане? В чем они ходят?» Я буду ухмыляться и думать при этом: если бы вы увидели вот такого молодого человека, вероятнее всего, приняли бы его за бомжа, но лучше сказать – «за свободного художника», да, так лучше, тактично и толерантно. Это же относится и к молодым девушкам. Обычная парижанка в каком–нибудь сером платье и в очках, на ней может болтаться некий шарфик, сумка, да хоть веревка, но подчеркивающая цвет её ботинок или волос или просто её настроение... Не понять это не парижанину... Однако она притягивает взгляд. Чем? Ну не ботинками же на босу ногу, модными нынче? Я поняла чем: она сама по себе, без навязчивого желания всем нравиться, как это принято у нас. Цели выделиться, чтобы окружающие офигели, – нет. Вот какая есть, такую любите или не любите: и так хорошо – без вас.

Мотоциклисты на дорогах в большом количестве: мальчики, девочки, бабушки. Паркуют «коня», пьют кофе и едут дальше. Город звучит в их ритме. Среди архитектурных изысков бросается в глаза реальная простота во всём остальном. Это стиль. В поведении, в одежде, в разговоре, в движениях, в молчании на скамейке сада, где–нибудь подальше от толпы...

Такая простота была и в доме моей хозяйки: ничего сверхнового. Старая и даже старинная мебель вперемежку, фотографии на стене: видимо, родственник в форме военного Первой мировой войны, другие фотографии, картинки, репродукции неизвестных мне художников, порой жутковатые: дым курящего, затмевающий голову, или её нет вовсе – один дым вместо нее. Другая картинка: откусывание головы каким–то монстром (что–то с головой вообще запара, будто лишняя она), или это у Мари такая фишка художественного восприятия...

На стене грамоты, дипломы какие–то, уже пожелтевшие, видимо, из давних времен, данные когда–то предкам Мари. В целом в доме порядок, но не в том смысле стерильных операционных, а ближе к творческому: всё лежит там, где ему удобно лежать. По крайней мере мне здесь достаточно уютно.

Вообще с восприятием Парижа не так всё просто. Почему–то этот влекущий всех город имеет в воображении людей устойчивый шаблонный ряд: кафе, французский шансон, Эйфелева башня, Монмартр и ещё несколько благостных мест, которые должны выглядеть так, как мы видели на картинке или представляли себе. А когда к тебе на скамейку подсаживается тип, не очень похожий на француза, мягко говоря, с навороченным телефоном, но с таким амбре,

как будто он не мылся несколько месяцев (а почему «как будто»? где ему мыться, если он беженец какой-нибудь?), то тебе хочется сразу встать и уйти, несмотря на всю твою толерантность, потому что переносить этот запах невозможно. Вот тут и заканчивается сказка.

Наверное, проще с другими французскими городами, о которых нет стойкого, как французский коньяк, представления.

Например, благоуханный Бордо, окруженный виноградниками. Кажется, здесь даже воздух пахнет вином, а само оно стоит дешевле воды. Лично меня впечатлил музей вина, где запыленные бутылки невесть какого времени, а вино дают дегустировать, после чего я отходила пару дней.

Но ещё сильнее поразила одна бумага, написанная по-русски ещё с ятями, в которой говорилось, что вино из Бордо поставляется царскому двору – императору Российской империи. Что называется – не ожидала.

Мне захотелось увидеть настоящую Францию с настоящими французами, и я проехала немного по югу страны вначале со стороны границы с Испанией, а затем – Италии. Я не задерживалась нигде долго, это была почти обзорная экскурсия, но самостоятельная, без суеты и чужих интерпретаций: только живое впечатление, спонтанное и непредвзятое. Обычная прогулка, и более ничего.

5

Первое, что удивило меня в этой поездке, это то, что в городе Арль мой взгляд уперся в название улицы «Place Nina Berberova ecrivain russe (1901–1993)». Русская писательница, которая ассоциировалась у меня и, думаю, у многих с Серебряным веком нашей поэзии, и вдруг оказывается, что она умерла только в 1993 году, все это время она жила здесь, а для нас как будто ушла с тем веком, где блистали Гумилев и Ходасевич, Ахматова и Цветаева... Это так далеко и так близко на самом деле...

В этом городе я задержалась не только потому, что здесь проживала Нина Берберова. Арль мне был знаком по картинам Ван Гога, и хотелось взглянуть на подлинник в лице самой природы. Поэтому беглого туристического просмотра у меня не получилось бы всё равно.

Он притягивал своей творческой аурой, пусть и несколько потускневшей после конца девятнадцатого века, когда этот город был магнитом для художников и поэтов, но особенно для художников. Чем он их манил теперь, трудно сказать, но, прожив здесь несколько дней, я как будто начинала смотреть на него глазами Ван Гога того времени, когда он только приехал сюда и, очарованный тем, что увидел, писал своему брату: «Порой мне кажется, что кровь моя начинает более или менее циркулировать снова. В Париже я не чувствовал себя живым, и я не мог выносить этого больше».

Я, в отличие от него, не имела того негативного восприятия Парижа, напротив, меня он вдохновлял, но некую усталость ощущала, как, впрочем, от любого большого города.

Поэтому взгляд мой отдыхал на раскинувшихся полях и виноградниках, на разливающимся до горизонта море, блестящем на солнце лазурью. Эти пейзажи менялись небольшими домами – красочными, будто по ним прошелся своей кистью художник.

Арль – это Галлийский Рим, вино и Ван Гог, как точно кто-то сказал. Но о Риме позже. О вине же – только в теории, иначе можно надолго зависнуть в безмятежном расслаблении, наслаждаясь красотами Прованса и вдыхая аромат вечного кайфа, витающего в самом воздухе этого места.

Похоже, что так здесь было всегда. Сам город и местечко Овер–сюр–Уоз, что находилось вблизи него, давали приют художникам. Именно здесь Ван Гог написал свое великолепное «Пшеничное поле с воронами». И несмотря на то, что родиной его была Голландия, где он появился на свет в деревушке Грот–Зюндерт, что недалеко от бельгийской границы, творческой родиной его, конечно, стала Франция. Хотя вначале Париж не принял художника, не понял его картин и, вероятно, поэтому оставил в нем некую горечь и ответное неприятие. «Когда я увидел Париж в первый раз, меня охватила тоска, такая навязчивая и неистребимая, как больничный запах. От этой тоски я так и не избавился», – пишет он своему брату Тео, который поддерживал его всю жизнь материально, потому как деньги никогда не водились у Ван Гога. К сожалению, так обычно и бывает в этом мире, как будто эти вещи в нем несовместимы, за редким исключением, и потому история дает мало таких примеров.

Юг Франции – Прованс – Арль, расположенный на берегах реки Роны, очаровал его. Он мог часами, не ощущая времени бродить здесь, не чувствуя усталости и той тоски, которая посещала его в Париже, где приходилось заливать её зеленым абсентом в каком-нибудь замшелом ресторанчике на Монмартре, в кругу таких же ловцов удачи, но чаще отвергнутых и непонятых.

Ван Гог знал, как именно нужно писать, он чувствовал это, когда кисть оказывалась в его руках и дальше, как будто сама летала по холсту, а он только придерживал её немного. Художник приехал сюда, чтобы выплеснуть на холст все краски, которые будоражили его воображение. Он как будто уже видел свои будущие полотна, когда проходил через цветущие поля Прованса.

Но нужно было где-то жить и на что-то существовать. Брат Тео снял ему на первое время комнату в отеле «Cagel». Это был двухэтажный дом с небольшой террасой на крыше и с балконом на первом этаже.

Почему я пишу «был»? Потому что его разрушила Вторая мировая война. Но тогда до неё было ещё далеко и Ван Гог чувствовал себя прекрасно в этом отеле, правда, не слишком долго. Совсем скоро ему надоело место, где в ресторане подавали не ту еду и не то вино, как он считал, но основной причиной явилась личная неприязнь к хозяину отеля, который якобы обсчитывал художника. Не слишком переживая по этому поводу, он снял комнату в «Café de la Gare» на площади Ламартин.

Картины Ван Гога запечатлели и этот дом, где он проведет три ночи и напишет там свой шедевр «Ночь в кафе».

Из писем Ван Гога: «В "Ночном кафе" я попытался изобразить место, где человек губит себя, сходит с ума или становится преступником. Я хотел выразить пагубную страсть, движущую людьми, с помощью красного и зеленого цвета».

Да, художник любое состояние видит в цвете, чего не дано обычным людям. Но любой дар требует чего-то взамен, и о том, чем платил Ван Гог, мог бы рассказать только он сам. Однако мир изощрен, но не злонамерен, а смысл жизни может лежать за её пределами. По отношению к художнику это определение вполне подходит.

Но опять Ван Гог не сидится на месте и он поселяется в так называемом Желтом доме: в четырех комнатах в правом крыле.

Из писем Ван Гога: «Хочу, чтобы это был настоящий дом для художника, но чтобы никаких ценностей в нем не было, совершенно никаких ценностей – даже наоборот, но чтобы всё от стула до картины имело бы особый характер».

В желтом цвете он видел особую магию, понятную только ему одному, о чем и говорит своему брату Тео в письме: «В этом такая мощь – желтые дома, освещенные солнцем. Дом слева – розовый с зелеными ставнями, стоящий в тени дерева, а там – ресторан, куда я каждый день хожу есть... Мой приятель – почтальон – живет в конце улицы, слева, между двумя железнодорожными мостами».

Даже не зная, можно определить, что это письмо художника, несмотря на то, что на юге Франции действительно всё очень красочно и весело, чему способствует и цвет домов, конечно. Но Ван Гог словно сам был создан из красок: они текли в его жилах вместо крови.

Из писем Ван Гога: «Вся штука здесь в колорите, упрощая который, я придаю предметам больше стиля, с тем чтобы они наводили на мысль об отдыхе и сне вообще. Вид картины должен успокаивать мозг, вернее сказать, воображение. Стены – бледно-фиолетовые, пол – из красных плиток. Деревянная кровать и стулья – желтые, как свежее масло; простыня и подушки – лимонно-зеленые, очень светлые. Одеяло – ало-красное. Окно – зеленое. Умывальник – оранжевый, таз – голубой. Двери – лиловые. Вот и всё, что есть в этой комнате с закрытыми ставнями. Мебель – крупных размеров и всем своим видом выражает незыблемый покой. На стенах портреты, зеркало, полотенце и кое-что из одежды. Рамка – поскольку в картине нет белого – будет белой». Это – его жилище. Это – его картина «Спальня Винсента в Арле».

Картина невероятная, но никакого покоя лично я не чувствую в ней. Такое буйство красок совсем не успокаивает мое воображение, а напротив, будоражит его. Но мне очень жаль, что этот Желтый дом не дождался моего приезда в Арль, так как он тоже был разрушен войной.

Как хорошо, что осталось кафе Ван Гога – «Café du Forum», расположенное на Place du Forum, но оно переименовано теперь в «Van Gog Café» или «Café la Nuit», как его ещё называют.

Именно здесь однажды ночью при свете газовых фонарей он написал картину «Уличное кафе в Арле».

Из писем Ван Гога: «Я нахожу, что мне удобно рисовать сразу. Конечно, я могу ошибиться и взять в темноте не синюю, а зеленую краску или не розовую, а синюю, но, только работая ночью на природе, можно понять природу тонов... ведь на самом деле даже одна простая свеча дарит окружающему пространству удивительно богатые желтые и оранжевые цвета».

Удивительным было то, что до него художники писали на природе днем, а уже после затемняли картину, делая на ней вечер или ночь. Ван Гог решил пренебречь этими правилами, ведь искусство и есть нарушение всяких правил, но делать это умеет только гений:

«...Фасады домов под звездным небом, темно-голубым или даже фиолетовым; рядом зеленое дерево. Изображая ночь, я совершенно не использовал черный цвет, только великолепный синий, фиолетовый и зеленый, а также зеленовато-желтый и лимонный – чтобы написать залитое светом кафе».

Я не попала в него, потому что туда невозможно было пройти: толпа туристов стоит на улице в ожидании столика, когда на Арль уже опускается ночь – та самая великолепная синяя и фиолетовая ночь, когда зеленые деревья источают аромат чуть терпкой свежести, смешанной с пряным запахом цветов у основания стволов, растущие под их величественным покровительством.

Но углубляясь в историю, мне хотелось узнать, почему же Арль называли Галлийский Римом. Это случилось после того, как его захватили римляне, а раньше здесь жили лигуры. Однако расцвел он именно с приходом римлян. Тогда и появились улицы с тротуарами, театр, форум, арена, общественные бани из мрамора, с прозрачной водой. А еще – храм Августа и храм Дианы. Жители этого чудесного города предавались удовольствиям и утопали в роскоши. И такое счастье досталось на долю Арля, пожалуй, единственному из всех галльских городов. Во всей Римской Галлии он считался «счастливым городом», да, именно так его называли.

И как напоминание о тех временах – знаменитая Арена, построенная во время правления императора Адриана, где проводились бои с хищными животными, о чем говорит высокая стена, которая защищала от нападения зверей тех, кто пришел посмотреть на это, как по мне, жуткое зрелище. Но тогда желающих хватало: арена вмещала в себя 24 тысячи зрителей. Однако уже в Средние века местные жители, не столь кровожадные, судя по всему, растаскали камни на строительство домов... А позже в амфитеатре поселились сарацины, превратившие Арену в крепость. И уже после них она стала пристанищем для нищих и бездомных, ютившихся здесь. Но именно эти люди сами построили на этой территории две церквушки.

Время шло. Бог Хронос передвигал его стрелки с неизменным упорством, приближая Арль к новой жизни. В начале девятнадцатого века Арену реставрировали. И сейчас здесь проводят корриды, как и во времена Ван Гога, когда устраивали нечто подобное, и каждое воскресенье можно было увидеть бои быков:

«Между прочим, я посмотрел бой быков на Арене, – напишет он брату. – Быков было много, но с ними никто не сражался, скорее, это была имитация боя. Зато толпа зрителей была великолепна, множество людей в разноцветных одеждах! Одни на втором ярусе, другие – на третьем, эффект солнца и тени, тени, тени, отбрасываемые этим огромным кругом!»

Тени прошлого. Они до сих пор гуляют здесь по ночам, когда солнце заходит за горизонт и не освещает Арену. Остались одни тени. И картина Ван Гога, у нас в Эрмитаже она известна под названием «Зрители на арене в Арле».

Для взгляда художника важен был больше цвет, чем действие. Да, Ван Гог видел по-своему дальнейшее развитие живописи и искал союзников, думающих так же, как он. Таким соратником он считал Поля Гогена. Но попытка сдружиться с ним оказалась совсем неудачной и даже губительной для слишком импульсивного и восприимчивого Ван Гога. Уж слишком разными были два этих человека.

Гогена, который принял его приглашение и приехал в Арль, с самого начала стал раздражать образ жизни Ван Гога, а особенно этот вечный хаос в голове и беспорядок в его доме.

Он говорил, что «рабочий шкаф был доверху набит тюбиками с красками новыми и почти пустыми, причем все были открыты! Его речи часто были сумбурны, мне трудно было понять их логику. Его художественные вкусы часто ставили меня в тупик».

Ну что ж, как говорится, не сошлись характерами, не сложилось... К тому же и с деньгами ни у того, ни у другого не сложилось тоже. По этой причине в рестораны они перестали ходить и готовили еду дома на маленькой газовой плите. Неустроенный быт добавлял пыла к эстетическим, художественным расхождениям. Ван Гога бесило нежелание Гогена принять идею коллективного направления во имя будущего живописи. С этой идеей он тогда носился и очень серьезно в это уверовал, что, конечно же, было невозможным в принципе, зная о том, какие все художники индивидуалисты. Ведь если даже сравнить картины Ван Гога и Гогена, написанные ими в древнем некрополе Арля, что расположен в нескольких сотнях метров от современного центра города, станет понятным, что ни о каком коллективном творчестве речи не могло быть.

Когда—то в этом некрополе погребали своих усопших галлы, финикийцы, кельты и греки, а римляне, расширив его, расставляли гробницы вдоль дороги Аврелия до древнего входа в город. То ли место было тяжелое, то ли неудачно встали звезды, но совместная работа в Апискамне стала последней каплей в отношении двух творцов. И 23 декабря (этот день был отражен в письмах Ван Гога), во время очередной бурной ссоры, Ван Гог напал на Гогена с бритвой в руках. Опомившись в последний момент, он начал раскаиваться с такой же дикой страстью, с какой до того хотел убить своего друга, но в порыве оного самобичевания, дошедшего уже до степени безумия, Винсет отрезал себе мочку уха той самой бритвой, которая чуть не стала орудием убийства, и подарил её проститутке. Неизвестно, была ли обрадована девица подарку, но самого дарителя на следующий день увезли в больницу и поместили в палату для буйных. А Гоген спешно покинул Арль, не попрощавшись с Ван Гогом, и его тоже можно понять...

Состояние же самого пострадавшего только ухудшалось в первые дни: он не разрешал подходить к своей кровати никому из персонала больницы и к тому же преследовал некую медсестру, как утверждают свидетели. А в завершение всего — опрокинул на себя ведро с углем, полагая, что таким образом он совершает омовение. Но когда его уже собрались отправить в психиатрическую больницу, находившуюся в Марселе, ему вдруг стало легче, а через несколько дней легче настолько, что доктор разрешил вернуться художнику в его мастерскую — домой. Кстати, портрет этого доброго доктора Винсент позже написал.

Но через месяц ему стало казаться, что кто—то хочет отравить его. И он вновь попал в больницу и его снова изолировали от окружающих. Ван Гог тяжело переживал это и писал своему брату:

«Мне ничего не разрешают, даже курить... Мне нечем отвлечь себя, поэтому я постоянно день и ночь думаю о всех, кого знаю».

Спустя время, художника отпустили домой, но ненадолго, так как жители города написали мэру письмо с просьбой изолировать буйного творца, потому что он неприлично ведет себя и к тому же преследует женщин.

Так его домом практически стал госпиталь. В то время, когда разум прояснялся, ему разрешали выходить на улицу и писать картины на натуре, что было просто необходимо для него. Ван Гог тогда много работал, как это ни странно, много и талантливо. Что же поделаешь, если его внутренний мир, поглощенный буйством красок, его бурное восприятие, затмевающее разум эмоциями, его одержимость живописью пришли в противоречие с реальностью? Но не писать он не мог. Его влекло на волю непреодолимое желание слиться с этим ярким и красочно—яростным пейзажем, желание оставить его на своих полотнах.

К северо–востоку от Арля находится холм Монмажур, где расположено аббатство Святого Петра. Поднявшись туда впервые после своего переезда в Арль, Ван Гог был поражен тем, что увидел и написал брату:

«Вдохновение, которое дарят местные пейзажи, я могу назвать очень интенсивными, поэтому, работая здесь, я не чувствовал никаких неудобств, несмотря на то что порывы ветра Мистраль были очень сильными, а москиты постоянно меня кусали. Однако красота этих мест и сосредоточение на работе заставляли меня не обращать внимание на досадные и раздражающие обстоятельства».

Да, побывав в Провансе, можно убедиться, что это именно так: порывы Мистраля могут сбить человека с ног. И в то время, когда Ван Гог писал, его холст, установленный на мольберт, все время трясло и поэтому ему приходилось работать с помощью тростникового пера. Что же касается интенсивности пейзажа, о которой он говорит в письме, то это была его собственная интенсивность, отраженная в картинах, в красках, брошенных на холст с такой интенсивностью чувств, что они оживают на глазах, когда на них смотришь. Мне кажется, что рамы сдерживают его полотна. И если бы их освободили от них, то подсолнухи Ван Гога разрослись бы во все стороны – по всей земле.

В этом месте он создал «Закат в Монмажуре», картину, у которой уникальная история: её подлинность была установлена только в 2013 году в Амстердаме, а до этого она переходила из рук в руки к разным коллекционерам. А случилось это потому, что Ван Гог по какой–то причине просто не подписал свою работу.

Великий нидерландский живописец. Но справедливо ли это по отношению к Франции, которая стала пусть не по рождению, но творческой родиной Ван Гога? Впрочем, такие художники, как он, принадлежат всему миру.

6

Я покинула Арль с грустью, но одновременно с надеждой, потому что всё, что открылось моим глазам, осталось на картинах Ван Гога и я могу это видеть снова и снова.

А мой путь привел меня уже в другой город.

В Нанте я жила у пожилой женщины, у нас бы сказали «у бабушки» (не столько по возрасту, сколько по отношению: она была приветливой и доброй со мной). И мне очень понравилось там. Я помню теплый вечер, когда мы сидели на деревянных ступеньках её дома и разговаривали. Потом она вытащила из подвального шкафчика бутылку сидра, и мы пили его под звездным французским небом, практически молча, потому что в такие минуты всё и так понятно, ведь жизнь на самом деле не такая сложная штука, как о ней любят рассказывать писатели. И если ничего не происходит плохого с тобой или с твоими близкими, то это уже отлично и не требует никаких дополнений и глубокомыслия по поводу того – так ли это... Дело в ощущении, а не в словах.

Когда я уезжала, она вышла во двор, чтобы проводить меня, и подарила мне такую же бутылку из своих запасников, сказав при этом, что она теперь хоть немного знает о русских. Я была польщена и даже немного возгордилась, ибо являлась посланцем своей страны в этом благословенном солнцем уголке Франции.

Далее был город Монпелье, в котором я была совсем недолго: всего один день, вечер и ночь. Ночное веселье в России всегда с привкусом отчаяния, с кривой ухмылкой печали. Всегда отдает немного самоубийством. Ночное же веселье в Монпелье – это праздник шумный и добрый. Он течет по кривым улочкам, его передают друг другу люди, и весь город озаряется его светом. Здесь нет места горечи, страданию, желанию забыться... Зато здесь есть свой аромат, а его невозможно передать словами, только вдыхать и желать надышаться им вволю.

Что же касается настоящих французов, которых я мечтала увидеть в провинции, то население Монпелье напрочь опровергло мои иллюзии по этому поводу. В этом городе живут вместе арабы, евреи, арагонцы, сарацины, итальянцы и, конечно, французы. А также фламинго, да они прижились в этих местах – на болоте Камарг, что недалеко от Монпелье, так же как и Пиренейские горы.

Еще я узнала, что здесь жил предсказатель Нострадамус: он учился в старейшей в Европе Медицинской школе, основанной в 1200 году, а затем в ней же и преподавал.

Я успела полюбоваться на скульптуру Трех граций, что находится перед зданием Оперного театра и является символом Монпелье. Красивый символ.

Вот только моря я там не увидела, потому что опоздала на две тысячи лет, когда оно плескалось у подножия города, а теперь находится в десяти километрах от него, что, конечно, не так далеко. Здесь вообще всё близко: города, море, солнце...

Юга нега... (с этих слов может начинаться стихотворение, – подумала я):

Юга нега —
рокот речи иностранной
Солнца пламя
пальцы пальмы
греет с неба
утром рано
Монпелье – как монпасье —
кисло–сладкая конфета
Вкус вина и привкус лета

это – Франция месье⁴

Кстати, о поэзии, здесь жил Поль Валери. А еще Рабле.

Ну а если говорить о более земных вещах, то это родина моего любимого сыра с голубой плесенью. Ну и обязательно – вино, куда же без него... Департо. Здесь в год производят больше вина, чем все виноделы Австралии.

Каждый город – это отдельный роман (в прямом смысле, и роман со мной или меня с ним, что одно и то же).

Марсель, как известно, морской порт. Но в 600 году до нашей эры греками–фокейцами он назывался Массалия. Затем это была независимая республика и союзница Древнего Рима, но об этом уже мало кто помнит. Время забывчиво.

Зато литература вечна: здесь жил персонаж из книги Дюма – граф Монте–Кристо. И тот самый замок Иф расположен на Фриульских островах, что в четырёх километрах от Марселя. Та самая тюрьма, где более двухсот лет изощрались в страшных пытках и откуда сбежал герой романа. Оттуда сбежать невозможно, если только не в качестве подставного трупа и если всё это не придумал писатель. В действительности дорога для узника замка Иф была дорогой в одну сторону, ведь вокруг – только море.

А что сейчас? Старый Марсель с узкими, крутыми, извилистыми улочками... Но самое главное здесь – порт, и этим многое сказано. В глазах у тех, кто делает свои странные дела, умер страх перед законом. Полиция проезжает северные районы города не останавливаясь, ради собственной безопасности. Пока в новом порту перегружаются тонны кокаина для всего Старого Света, в старом порту на набережной постаревшие скуластые жилистые моряки маленькими глотками пьют портвейн... Они уже прибыли в свой последний порт.

А я отправилась дальше.

Сан–Тропе – известный курорт, и на этом можно было бы остановиться, если бы не музей Жандармерии, в котором для любителей Луи де Фюнеса можно сфотографироваться рядом с его фигурой в обнимку. Когда–то люди здесь жили обычной размеренной жизнью. Это была рыбацкая деревушка, пока однажды там не появилась Бриджит Бардо, Ален Делон и другие замечательные богатые люди. Пришлось грейдерами изменить дно в порту под пятиэтажные яхты. А также – умножить цены в ресторанах и магазинах на три или на пять. В общем, сделать все, чтобы соответствовать той жизни, за которой потянулась блестящая известная публика и толпы туристов.

На извилистых горных дорогах, ведущих к городу, – невероятные пробки из шедевров автомобильной промышленности. А вот коренное население уезжает из этого странного места, где количество понтов на квадратный метр зашкаливает и уже не дает свободно дышать.

Далее по пути следования находится чем–то похожий на предыдущий, тоже небольшой городок – Сан–Рафаэль, что всего в тридцати километрах от Сан–Тропе. Очень приятное место для отдыха состоятельных европейских пенсионеров. Волн там не бывает, потому что залив закрывают горы. Но завтракать слишком накладно для простого путешественника, это я поняла сразу. Лазурный берег, что тут скажешь...

Хотя до XIX века он был всего лишь обычным рыбацким поселком (история повторяется, но с разницей в сто лет, если отмотать время назад). С того момента, когда здесь решили отдыхать Ги де Мопассан и Антуан де Сент–Экзюпери, это стало самым гламурным местом, с цветными домиками на узких улочках с запахом моря.

Что–то часто творческая интеллигенция Франции вмешивалась в судьбу провинциальных и ничем не приметных городков, после их внимания сюда начинали обращать свои взоры другие люди неумеренного достатка.

⁴ Вера Орловская.

Проезжая дальше и ближе к Италии, попадаешь в Ниццу. Мои ожидания этот город не оправдал: какое-то заретушированное, покрытое гримом лицо старой портовой шлюхи. Грубо, но правда. Время величия Ниццы прошло... В отличие от Канн, где воздух пропитан деньгами, а по дорогам ещё на ходу кадиллаки 20-х годов, на которых разъезжают по всему югу европейские пенсионеры.

Но так было не всегда. Этот город в девятнадцатом веке облюбовали русские аристократы, после того как в 1852 году в бухте Вильфранкт пришвартовалась русская императрица Александра Федоровна. Там была приобретена земля, и на ней построены дома для императорского дома. Вначале 400 русских семей облюбовали эти места, но в 1913 году, ещё до Первой Мировой войны, русских уже было три с небольшим тысячи, а в 1930 году, после первой иммиграции, – больше пяти тысяч человек. Здесь построен собор ещё с тех времен, в том числе и на средства последнего русского царя Николая II. Вот такая «Россия – не Европа». Историю не обманешь.

И уже практически на границе с Италией на моем пути возникла столица роскоши – Монако. Это княжество, и правит этим райским местом князь, но его называют королем. Может быть, потому, что он из династии первого правителя Монако, который к тому же был генуэзцем? Язык французский, но разговорный – смесь французского с итальянским, так называемый монегаскский диалект (самое сложное в нем – выговорить это слово).

Я задержалась там недолго, но успела сфотографироваться рядом с желтой подводной лодкой, построенной Кусто. Она стоит возле Океанографического музея, которым он и руководил с 1957 года. Есть ещё одна достопримечательность – музей восковых фигур, открытый в 1910 году. Но самая главная достопримечательность – это, конечно, казино «Монте-Карло».

Еще я узнала, что квартира там стоит 4 миллиона долларов, и вообще всё очень дорого и шикарно. Здесь принято обедать вне дома и, несмотря на разнообразие кухни всех стран, существуют и национальные блюда, например, стокафи – это сушеная треска с томатным соусом. Не сказала бы, что очень вкусно. А также – фугас, что-то вроде пирожков из апельсина с орехами и семенами аниса. Неоднозначно на вкус.

Но теперь уже в Париже и хочу говорить о нем. К тому же я и здесь нашла настоящих французов, отойдя от туристических троп, проложенных толпой китайцев.

Апофеозом познания французской души для меня стал футбольный матч, вернее, реакция на него, а именно – на игру французской команды, победившей, не помню уже у кого, на чемпионате мира. Меня разбудили громкие крики во дворе. Это моя хозяйка праздновала победу, пригласив к себе подружек. Они орали от счастья на всю округу, не смущаясь нисколько тому, что была ночь и соседям это могло не понравиться. Они смеялись, как дети, и скандировали: «Viva France», выражая этим свой патриотизм, так ненавистный некоторым нашим либералам – «людям со светлыми лицами», как они сами себя называют, предполагая, что все остальные люди – «с темными лицами», ведь проявлять любовь к России все равно что заниматься чем-то порочным. Но это только в том случае, если патриотизм исходит от русских и по отношению к их родине, другим же странам и национальностям, проживающим в «цивилизованном мире», они позволяют и даже приветствуют выражение подобного чувства.

Я не могу представить себе американца или француза, говорящего, что жить в Америке или во Франции ужасно по сравнению с другими странами, а быть американцем или французом – омерзительно и стыдно. Это невозможно никогда и нигде, за исключением России, наверное, потому, что только у нас есть такие «люди со светлыми лицами».

Но французы молодцы, что так любят свою страну. Мне не оставалось ничего другого, как встать, налить вина из своей бутылки, стоящей в холодильнике, и пойти к ним, чтобы поздравить с таким праздником. Воспринято это было тепло и радостно. Тут же Мари сообщила всем, что я – русская из Санкт-Петербурга. И подружки оценили её информацию весьма положи-

тельно, предложив выпить за столицу футбола – Санкт–Петербург: такой чудесный город. Не знаю, был ли кто–то из них там, но я согласилась с их мнением вполне.

Что–то нигде в Европе я не замечала в среде обычных людей русофобии, такое впечатление, что они вообще не в курсе санкций против нас, а также не знают ничего об «опасности нападения России» на них и прочей туфты из тамошних СМИ и телевизора (вот там это всё и живет, а здесь живут люди и по возможности счастливо). Это сблизало, независимо от страшной «угрозы», исходящей от нас для всего цивилизованного мира. Как будто это мы подогнали свои границы к НАТО, а не этот самый мир подползает всё ближе к нашей прихожей и что–то мне подсказывает, что они не станут просить домашние тапочки, чтобы войти в наш дом.

Дураки опаснее любого врага, потому что в их представлении о мире нет никакой логики и, подобно серийному убийце, у них нестандартное мышление, по этой причине обычному человеку трудно его вычислить.

Миром правит фактор дурака, я убеждаюсь в этом каждый раз, когда пробегаю глазами по ленте новостей, хорошо понимая, что ничего не может изменить начавшуюся деградацию, и мне уже не смешно, когда некоторые ученые утверждают, что скоро мы превратимся в обезьян. А чем это невероятнее утверждения о том, что наша Земля плоская, якобы потому, что не существует ни одного фото Южного полюса, а из этого следует, что где–то находится край Земли, но нам об этом не сказали. И, читая подобное, я действительно начинаю уже верить в то, что фтор, присутствующий в обычной воде, которую мы пьем, опасен, потому что от него люди тупеют. И этим пользуются те, кто ещё не успел выпить столько воды, чтобы это произошло с ними?

В Париже недалеко от Эйфелевой башни я купила себе черную бейсболку с надписью «Paris» за 18 евро; пройдя пару кварталов от того места, увидела такую же за 6 евро. Мир изменчив. Но то, что неизменно остается со мной всегда, – это способность чувствовать, познавать окружающее пространство в ощущениях. Ведь именно чувства делают нас по–настоящему живыми, а не мешком с костями и внутренностями. Нет, я вовсе не отрицаю значения тела, я даже люблю его, ибо оно – мои крылья, мой космический корабль, мой скорый поезд, в котором я передвигаюсь по миру за новыми и неизведанными ещё мной впечатлениями.

Лучше всего понимаешь это, когда путешествуешь: три часа назад ещё была дома, а теперь в Париже, промелькнули дни как один, и вот уже море видно в окошке. Самолет приземляется в Сицилии.

Я двигаюсь через весь остров на двух поездах с пересадкой до места назначения. Приезжаю. Просыпаюсь утром и вдруг начинаю понимать, что время идет совсем в другом темпе: оно изменило самому себе и мне тоже. О, многоликий Хронос!

Неужели прошло так мало дней с моего отъезда из Петербурга? Мне кажется, что по ощущениям, по смене языков, на которых говорят люди, по их поведению и множеству других вещей я пережила большой отрезок времени и жизнь моя как будто замедлилась, я подобно какому–то мелкому насекомому вижу мир, как в замедленной съемке, и это несмотря на быстрое перемещение в пространстве. Парадокс. Жизнь моя стала хоть немного длиннее. Я проверила на себе эту странность и осталась вполне довольна, потому что всё гениальное – неожиданно и внезапно. Точно выверенная конструкция хороша для строительства зданий или мостов. А я – живой мост, перекинутый между мирами, по крайней мере так я это чувствую...

7

И почему всё происходит неожиданно и, казалось бы, не к месту, когда воспоминания врываются, как ветер в окно, который распахивает его внезапно. Вроде бы ничего не предвещало таких изменений.

Я просто сижу и смотрю, как постепенно опускается ночь. Я просто пишу роман. В голове складываются первые фразы. Остается только их записать. Воспоминания. Да, это так, они могут приходить ото всюду: из этого мира, из другого времени, где меня уже нет или ещё нет, из параллельного, считающегося нереальным.

Мир моих реальных фантазий... Но в любом случае для того, чтобы мне написать о чём-то, бывает необходимо всего лишь вспомнить.

Позапрошлой осенью я решила устроить себе экскурсию по Золотому кольцу. Я была там раньше, но это происходило ещё в юности, а с тех пор много чего изменилось, не думаю, что в архитектуре тех городов, но во мне – точно.

На своей машине, без всяких попутчиков, я отправилась в это путешествие, как говорится, налегке, не заботясь о том, где я буду ночевать: гостиницы заранее не бронировала, потому что не хотела быть связанной какими-то временными рамками. Я не знала, сколько часов или дней проведу в том или ином месте. Всё зависело от моего интереса. Никакой четкой программы у меня не было. Пусть идет как идет, вернее, едет как едет, – думала я, отправляясь в путь.

В городе Владимире я задержалась дольше, чем предполагала, и на улице уже стало заметно темнеть, но оставаться здесь на ночь не хотелось. И я решила добраться до Суздаля, чтобы там заночевать. Не так далеко друг от друга находятся эти города. Но примерно на середине пути моя машина начала издавать неожиданные звуки: постукивание, шипение и легкое подпрыгивание. Она явно была чем-то недовольна.

Вдалеке маячила какая-то деревня, и я пыталась дотянуть до нее. Хорошо, что у меня хоть и с трудом, но получилось это сделать. Правда, немного не доезжая до самой деревни, мотор вконец заглох. И моя попытка заглядывать в открытый капот ничего не изменила. Я не слишком разбиралась во внутренностях машины, поэтому определить, что у нее болит, не смогла. Только то, что она была горячее. Это легко можно было почувствовать, дотронувшись до неё рукой, но диагноз поставить таким образом не удалось. С задумчивым видом я с полчаса простояла, склонившись над открытым капотом, в надежде на то, что проезжающий мимо какой-нибудь добрый человек заметит на дороге одинокую женщину у машины и, может быть, остановится, чтобы помочь мне. Но машин на трассе почти не было, а когда стало ещё темнее и время стремительно близилось к ночи, движение затихло вообще.

У меня был один выход: закрыть машину, спуститься с дороги на проселочную и пешком добраться до ближайшей деревни, чтобы позвать кого-нибудь на помощь.

Лай собак был хорошим знаком, и он становился более громким с моим приближением к деревне. На улице, сидя на бревне, разговаривали двое мужчин. Судя по голосу и жестикам, один из них был изрядно пьян. Бояться их не было смысла и не потому, что я такая смелая, у меня просто не было другого варианта, как только подойти к ним и вступить в голосовой контакт. Я поздоровалась и с ходу пожаловалась на свою тяжелую долю. В общем, обрисовала ситуацию: указывая рукой в сторону своей машины, стоящей на трассе, я рассказала, что она сломалась и мне теперь никуда не доехать.

– Приехала уже, значит, – сказал, ухмыляясь, тот, кто был трезвым и помоложе.

Я решила, что здесь принято обращаться на «ты» к незнакомым людям, и поступила так же:

– Ты бы не мог позвать ещё кого-нибудь, чтобы машину дотащить сюда?

– Чего не мочь? Сделаем, раз надо.
– А может быть, скажешь, где у вас здесь можно переночевать?
– Отелей, конечно, у нас нет, но тут недалеко определиться можно. У грека Хроноса, – сказал мужик.

– Как это у Хроноса? В каком смысле? – удивилась я.
От моей тупости протрезвел даже тот, который был пьян:
– Ну ты чё? Тебе ж говорят: «У Хроноса» – значит, у него самого.
– Имя такое чудное, – добавил второй, – но мы привыкли уже: Хронос и Хронос – ничего особенного.

– Да, – согласилась я, соображая, что они не знают истинного значения этого слова, а потому спокойны и безмятежны, как дети: ничего не тревожит их ум. Да уж: во многих мудрости – много печали...

– Пошли, – прервал мои раздумья тот, кто первым назвал мне это имя. А машину твою мы ко двору дотащим, не бойсь: Никита к трактору прицепит. Всё будет окей, не бойсь.

Мы пошли с ним по темной деревне к дому Хроноса. А вот тебе и Хаос, и Тьма, – думала я, спотыкаясь о каждый камень на дороге. Я повторяла это имя про себя с какой-то небывалой торжественностью. Но когда мы постучали в дверь и на порог вышел старый седой дедушка, я немного спустилась с Олимпа на землю.

– Пусть она у тебя переночует, – сказал ему мой провожатый. – Машина у нее сломалась. Вон там на трассе стоит.

Хронос посмотрел внимательно на меня, словно раздумывал, можно ли пускать к себе в дом. Я заметила, что у него очень живые блестящие черные глаза, не подходящие для его возраста.

– Хорошо, – ответил он.

И пошел в дом, не оборачиваясь на меня, оставив дверь открытой, что я восприняла как знак, – входите за мной. Я пошла.

– Там в сенцах ведро с водой, если пить захочется, и кружка там. Может, голодная? Так я чай заварю с мелиссой, попьешь, а с обеда мясо осталось...

– Нет, спасибо, я не голодна, – соврала я.

– Ну тогда пойдем – покажу тебе, где спать будешь. Вот – диван у меня здесь, устраивайся. Одеяло принесу: ночью, может, холодно будет, а печь не топил, лето ведь как никак, хотя прошлая неделя дождями вышла, немного пришлось протапливать. Спать сейчас сразу ляжешь или все-таки чайку со мной попьешь? Я так-то рано ложусь – привычка, но раз гость в доме, то чего не поговорить...

– Да, хорошо, – согласилась я.

Мы сели за стол, покрытый скатертью. И Хронос налил мне чай в чашку и подвинул поближе ко мне пряники и банку с мёдом.

– Мёд свой, не сомневайся.

– Очень вкусно, – сказала я, попробовав его.

– В чай не клади, так ешь. Это неправильно, когда в чай.

Я не поняла, почему неправильно, а он не стал мне это объяснять.

За окном в это время раздавался грохот трактора, это притащили мою машину ко двору.

– Перебудят всех, – заметил Хронос. Чего тебя на ночь глядя понесло ехать куда-то? Дома не сидится?

– Так вышло, – улыбнулась я, чтоб хоть как-то развеять его строгость, которая была слышна в голосе Хроноса, но мне она казалась несколько напускной. Дед пытался держать дистанцию с городской, демонстрируя свою важность. Но, может, он и в самом деле был таким по своей натуре...

– А почему вас греком называют? – спросила я.

– Потому что я и есть грек.

– Имя тоже настоящее или так в деревне прозвали?

– Хронос – мое имя, так называли, так и зовусь всю жизнь. Дед мой как раз в тот день, когда я родился, выкопал фигурку этого самого Хроноса, вот и назвал меня так...

– А вы знаете, что оно означает?

– Конечно знаю. Я хоть и мальцом тогда был, но деда своего помню. Его все чудаковатым считали – вроде сумасшедшим, за то, что он землю копал и находил иногда какие-то куски горшков разбитых, амфор или статуэток. Потом выставлял на полке в доме и никому не разрешал трогать. Как-то он позвал меня к себе и спросил:

– Знаешь ли ты, почему имя тебе такое дано? Это я тебя так назвал.

И протягивает мне небольшую статуэтку старую-престарую. То был какой-то человек, но почему-то с крыльями.

– Греки называли его Хроносом, это их бог Времени. Хронос – означает время. Тебе мать не говорила разве этого слова? – спросил у меня дед.

Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза, будто раздумывал, как поступить, а потом сказал:

– Я тебе дарю это, как хранителя твоего. Гляди не потеряй, потому как Хронос – и твое имя. А потеряв его, ты потеряешь Время. Как жить человеку без него? А с ним ты будешь счастливым и от всех бед спасешься.

Хозяин дома встал и куда-то пошел. Его не было минут десять. Я за эти минуты успела увидеть почти воочию и деда, который рассказывал ему о Хроносе, и мальчугана с широко открытыми от удивления глазами.

Старик вернулся. И я заметила, что он что-то сжимает в кулаке.

– Вот, смотри, – сказал он с гордостью в голосе, и открыл ладонь, на которой лежала небольшая фигурка.

– Это и есть Хронос. Дед мне тогда сказал: «Это – большой Хронос, а ты – маленький Хронос, помни об этом всегда. Я всегда и помнил, хотя деда больше не видел никогда.

– Так вы не здешний? – спросила я. – Такие фигурки здесь выкопать невозможно.

– Я не здесь рожден. Мы на юге жили. Там недалеко город был большой, или мне он тогда казался таким, потому что мне самому пяток лет только было. Мама называла город Мариуполем и дед так называл его. Мне нравилось туда ездить, смотреть на рыбацьи суда и лодки, плывущие по морю. Только вскорости война началась и все наши скитания тоже начались.

– А отца своего вы хорошо помните?

– Нет. Помню, он в форме военной ходил и табаком от него пахло. И еще он носил меня на плечах, мы с ним играли так в красных конников. По двору скакали, скакали, а мама смеялась, глядя на нас. Вот смех её хорошо помню. А как-то отец пришел домой и не захотел играть со мной в конников. Он собирал вещмешок и попросил ему не мешать. Потом взял меня на руки и поцеловал. Он мне много чего сказал тогда, но я понимал, что он уезжает на войну и плакал, поэтому ничего не слышал, о чем отец говорил...

Мама побежала за ним до ворот, за руку его хватала и тоже плакала. Потом упала на колени и так стояла у ворот открытых, а отец уходил всё дальше и дальше, а потом его уже не было видно совсем.

Я удивилась тому, как точно он помнит даже мелкие детали. Говорят, что люди в старости лучше помнят далекое прошлое, чем то, что происходило недавно, и даже забывают иногда, что вчера было.

– А дальше? – спросила я.

– Тебе действительно интересно? Спать ещё не хочешь?

– Нет, не хочу. Расскажите, когда вы уехали оттуда...

– Да вот как немцы стали подходить, разнесся слух, что они убивают всех евреев, цыган, греков. Всех они убивали на самом деле. Но дед сказал моей маме, чтобы она брала меня и ехала к родне моего отца на Волгу. Дед говорил, что немцы туда не дойдут. Почему он так был в этом уверен, не знаю.

Я подумала, что Хронос с матерью успели уехать очень вовремя, потому что Мариуполь был захвачен в начале октября сорок первого года частями 3-го танкового корпуса 1-й танковой группы вермахта армии «Юг». По Бердянской дороге отряд моторизованной бригады ворвался в город, ведя огонь из пулеметов по мирному населению – по обычным людям, шедшим по улице. Так началась оккупация, длившаяся до сорок третьего года. Но я не знаю, как немцы поступили с греками и что случилось с дедом Хроноса, да и сам он об этом не имел ни малейшего представления.

– А вы слышали о том, что Мариуполь переводится как город Марии? Он так назван в честь Марии Федоровны, жены наследника царского престола, будущего императора Павла. Если вам интересно, я расскажу, потому что это касается как раз греков.

Хронос кивнул и с любопытством посмотрел на меня.

– Российским городам, которые были основаны в конце XVIII века Екатериной II, давались греческие названия, потому что это было частью «Греческого проекта» царицы. Амбиции в Российской империи обширные, как и её территории. По этому проекту предусматривалось изгнание турок из Европы, освобождение Греции и создание греческой империи – Новой Византии с православным императором во главе. На этот престол предполагалось посадить второго внука императрицы Константина.

Вообще, все эти места Приазовья и Причерноморья входили в план Екатерины II. Мелитополь – от греческого «мелитос» – мёд. Но говорят, что он был назван так в честь портового города Мелита, который в давние времена находился неподалёку. Херсон называли в честь Херсонеса. Севастополь – тоже состоит из греческих слов: «себас» – высокий, священный, императорский город. Ну, это можно долго продолжать, разбирая названия всех городов, оканчивающихся на «поль», что и означает – город, как вы знаете.

Старик кивнул мне снова и замолчал.

– Вы извините, что я прервала ваш рассказ, продолжайте, пожалуйста. Как вам удалось уехать?

– А что ещё оставалось делать моей матери? Не послушаться деда она не могла, потому что у греков не принято старшим перечить, хотя она не хотела уезжать. Но мы собрались и поехали. Вначале на одном поезде, потом на другом. Я не знаю, где мы пересаживались, но это был большой город. Потом мы на машине ехали, и она так тряслась, дорога побитая была, а во многих местах вообще проселочная. И холодно было, потому что кузов открытый и дождь шел. Я жался к маме, а она согревала меня своим телом, обнимала и прижимала крепко к себе. А сама кашляла сильно очень. Я плохо её помню. Имя у нее греческое было – Гликерия и она очень красивая была, и ещё говорила мне слова греческие и песенки пела на этом языке – такие нежные. Там, где мы жили раньше с дедушкой, греков много было и некоторые дети тоже знали греческие слова, которые дома слышали.

Но к родственникам на Волгу мы не добрались. Когда сюда доехали, дальше уже у мамы сил не было: в дороге она очень заболела. Я же говорил, что сильно кашляла всё время. Вот и попали мы в эту деревню и попросились в дом на постой. Хозяйка добрая оказалась, увидела, что мама совсем больная, и пустила нас к себе. Накормила картошкой. Это я тоже запомнил, потому что не ел давно, а еще она дала мне кусочек сахара и он был коричневым.

Мама умерла осенью. Шел сильный дождь, когда её хоронили, – такой же, как тогда в дороге, когда мы ехали в грузовой машине. Меня не взяли на кладбище, чтобы я не заболел под дождем. Хозяйка очень боялась за меня. Я же говорил, что она добрая была. И оставила

меня у себя, хотя у нее было своих трое детей, но они постарше меня уже были. А муж её на войне погиб в первый год еще. Так она и стала моей мамой Варей.

А немцы действительно туда не пришли, как и говорил мой дед. Мама Варя со своим старшим сыном ходила копать ров и строить укрепления: оно шло от деревни Крутая до деревни Крутихи. Здесь планировалось остановить Гитлера, если бы не удалось отстоять Москву. Старший брат записался в народное ополчение. Много людей туда записывалось, чтобы против фашистов идти. Но Москву защитили, слава Богу. А немцев я видел своими глазами, когда мы с мамой Варей в Суздаль ездили. Их вели по городу: в плен под Сталинградом взяли очень много немцев, а начальника их самого главного – Паулюса и генералов держали в отдельном здании. Условия им, что ли, лучшие создавали... Не понимаю... Когда по городу их вели, они такие ободранные, тощие, как собаки побитые. Некоторые люди плевали в них, но в основном стояли молча, даже страшно было от этой тишины, только вздохи или всхлипы иногда прорывались сквозь нее. Но я плакал, потому что из-за них моя мама умерла. Про отца я тогда ещё ничего не знал. Это уже позже, когда запрос делал, мне сообщили, что погиб он в Кракове. Не вернулся, значит, а обещал мне, что вернется, когда уходил...

– И вы остались здесь навсегда?

– Да. После войны мои названные два брата и сестра уехали в большой город. А кто-то должен был помогать маме Варе. Вот я и остался. За лошадьми ходил. Они меня понимали хорошо. А когда не стало мамы Вари, я остался за её могилкой смотреть. Да и привык уже к этим местам и ко мне привыкли люди. Над именем моим, правда, посмеивались, а потом я стал даже вроде достопримечательностью – грек Хронос. Заезжим меня показывали, вроде цирк какой. Я сначала злился, камнями даже кидался или прутьями детей разгонял, когда в огород залезали и обзывались, дразнились: «Ехал Грека через реку...»

Я засмеялась, но он не обиделся – улыбнулся только. Мы замолчали на какое-то время. Мне казалось, что старик о чем-то думает или, может быть, вспоминает. Он как будто забыл о моем существовании и ушел в свое прошлое, где – его дед, самоучка-археолог, производит раскопки и старательно оберегает свои находки, где мама Гликерия поет ему песни на языке своих предков. Его глаза потеплели. Передо мной сидел уже совсем не тот человек, который встретил меня колючим взглядом на пороге дома.

И вдруг он словно пробудился ото сна, огляделся вокруг и спросил у меня:

– А ты что же ещё не спишь? Ночь уже давно.

– Я только хотела спросить вас: вы когда-нибудь ездили в те места, где родились, – на юг, туда, где дед ваш похоронен? Может, ещё какие-то родственники там остались?

– Нет. Никогда.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что мое имя Хронос – Время. Я ушел из того времени. А ничего невозможно вернуть назад. В том времени осталось море, куда меня возили родители купаться. Там – дед мой и бабушка. Мне приятно думать, что там всё так и осталось, как было тогда, когда я – маленький, и отец живой играет со мной в красных конников, и мама ещё смеется.

Я боялся, что, если туда приеду, что-то нарушится, всё станет не так. И они исчезнут все, потому что я открою их время, как открывают дверь, которую нельзя открывать, потому что там – тайна. Понимаешь? Нельзя оглядываться назад. Нужно оставить время тем людям, которые в нем жили, ведь у них ничего не осталось, кроме этого. А у нас с тобой есть ещё завтра. Если ты сейчас ляжешь спать...

– Вы мне это обещаете, как бог Времени Хронос?

– Я тебе обещаю это, как грек Хронос, потому что я – маленький, а Хронос – большой бог. Так мне дед говорил.

8

Время дает нам возможности, но одновременно ограничивает нас. До появления Хроноса во Вселенной не существовало Времени.

Космический адрес нашей планеты: Галактическая Нить Персея–Пегаса. Галактика Млечный Путь. Рукав Ориона. Солнечная система. Земля. Но это уже для будущих путешествий, когда возвращаться обратно домой придется издалека, совсем издалека, если вообще возможно будет возвращаться... Пока что мы с трудом осваиваем данную нам планету. Какая уж тут внеземная цивилизация? Понять бы эту – свою – внеразумную цивилизацию:

«В Британии министры провели репетицию на случай смерти королевы Елизаветы II, сообщает "The Times". Секретная подготовка к десятидневному национальному трауру. Дэвид Лидингтон, заместитель премьер–министра Великобритании Терезы Мэй, руководил процессом репетиции. Это получило название Castle Dove и было посвящено организации действий согласно коду Д + 1, то есть на следующий день после смерти королевы, когда премьер–министр сделает официальное сообщение. Подробный план действий уже давно прописан, но политики приняли участие в репетиции второй раз».

Поклонникам Стивена Хокинга посвящается: сумасшедшие – это люди, которые видят возможную реальность из мнимого времени. Поэтому не надо считать себя умнее сумасшедших: многие из них точно знают, что наша реальность могла бы быть намного приятнее.

Это, конечно, дело вкуса, но хотелось бы как–то определиться хотя бы с понятием «человек» в этом мире, где теперь существует путаница в определении пола, потому что их набралось уже более двадцати трех.

Вот так проснешься однажды, посмотришь в зеркало и возопишь: «Кто я? Где я?» В этом смысле в России как–то проще со всем этим, включая толерантность. Вечный вопрос «Ты меня уважаешь?» расставляет по местам то, что требует долгого осознания и выбора из множества вариантов. У нас же в данном случае выбора просто не существует, отчего жить становится легче, как–то так...

Иногда мне кажется, что человечество идет по пути, требующего меньших затрат сил и энергии. Либо мир слишком постарел и устал, либо, напротив, впал в детство и полон инфантилизма до такой степени, что даже не старается казаться взрослым в своих действиях – спонтанных и порой опасных, толкающих нас к самому краю, за которым – пустота, исчезновение – ничто. Но этого словно не замечают, вроде все играют в какую–то игру, где конец игры ничего не меняет в глобальном смысле...

Глупость – это такой ум, – вспоминалась сказанная кем–то фраза. Но от понимания этого легче не стало, потому что неуверенность в завтрашнем дне заставляет нас обращаться только к дню сегодняшнему. Мы – однодневки. Мы – мотыльки, летающие вокруг большой лампы, называемой Солнцем. Всё становится одномоментным, выхваченным из глыбы времени, из вечности. Мгновение – это и есть теперь наше бессмертие. И какое тогда дело до других и до того, что они думают о тебе? Ты торопишься жить: убегаешь, уезжаешь, улетаешь...

На полу аэропорта Шарль де Голль лежала девушка, раскинув свои длинные волосы по ковровому покрытию, она спала, и люди обходили ее, стараясь не наступить на её кудри.

После этого меня уже не удивляло, что в городе можно сидеть просто на асфальте или есть бутерброд, положив его рядом с собой на скамейку, на которой неизвестно кто до этого сидел. Такое впечатление, что у них напрочь отсутствует чувство брезгливости.

Может сложиться впечатление, что мои заметки о Париже выхвачены из общего контекста, из жизни парижан. Да, я не была в высшем свете, не подъезжала на кадиллаке к самому дорогому ресторану в платье Haute Coutur, хотя предполагаю, что это всё тоже здесь существует. Но я говорю о вещах простых: о прохожих на улице, о тех, кто ездит в метро и ходит

по городу, кто сидит в уличных кафе с бокалом вина или с чашечкой кофе. Кстати, обед во Франции начинается в 19.00, поэтому днем проблематично поесть, по крайней мере в том районе, где я снимала комнату, где все кафе открыты, а сидящие за столиками только пьют вино или кофе. Но это дело самих французов, я у них просто в гостях и не собираюсь учить тому, к чему привыкла в России, хотя поиски места, где меня могли бы покормить, в тот день успехом не увенчались. Правда, я отыскала какое-то сомнительное заведение, которое содержал человек восточной наружности. Посетителей в нем было мало, почти никого, не считая девчонки-подростка, смотрящей футбол по телевизору. Она жевала картофель фри: перед ней стояла тарелка, доверху наполненная этой едой, и какой-то соус в плоскешке. Девочка брала руками картошку, макала её в этот соус и ела, целиком поглощенная тем, что творилось на экране телевизора. Не буду рассказывать о том, как мне не повезло с едой, об этом помнит мой желудок. Привычки, в том числе и пищевые, вещь довольно серьезная, просто нужно быть готовой ко всему. И если французы закатывают глаза при названии блюда, которое представляет из себя комок сырого фарша, вымоченного до этого в уксусе, то это совсем не то, о чем я мечтала, когда решила пообедать. Дело вкуса.

Я шла по кривым улочкам пригорода Парижа, а мне навстречу бежали школьницы лет десяти, одетые в одинаковую форму. Со стороны выглядело, что они слишком простенько одеты, поэтому это и привлекло мое внимание. Но к тротуару подъехала машина, за рулем которой сидела молодая женщина, она открыла дверь, и в нее впорхнули две девочки, видимо сестры, с небольшой разницей в возрасте. То есть это были не бедные дети, просто не настолько избалованы, как наши. Но в этом виноваты сами родители: есть у нас такая проблема – выпендриваться друг перед другом и даже детьми выпендриваются: кто круче одет и у кого телефон круче... Мне это не нравится, поэтому в данном случае принимаю сторону французов.

Как ни странно, но уже через несколько дней я начала думать о доме: о том, что по мне уже скучает мой рабочий стол, мои шкафы с книгами и мой, брошенный на кресле, плед... Но чаще всего мои мысли возвращались к Алисе. Что же все-таки явилось причиной её бегства почти из-под венца? Ведь намерение выйти замуж было не сиюминутным решением, они с Матвеем давно знали друг друга. Я видела их вместе на премьере в БДТ, когда они приезжали в Петербург. А бывали они в Питере довольно часто. Алису притягивал этот город. Некоторое, правда, говорят, что он притягивает всех сумасшедших. Ну, если считать таковыми наших великих писателей, то тогда всё сходится. Сама Алиса объясняла это тем, что Москва заставляет её двигаться по течению и всё время находиться в этом несущем её движении, потому что там нельзя останавливаться, иначе собьют или затопчут те, кто бежит быстрее. В воздухе витает дух конкуренции и борьбы за место под Солнцем. А в Петербурге тебя как будто никто не видит. Да и тебе не нужно, чтобы идущий мимо обязательно заметил именно твою особу, в Москве же быть заметным и замеченным нужными людьми – это способ выживания, потому что там слишком много тех, кто приехал туда, чтобы кем-то стать. В Питере каждый уже является кем-то, даже если он не зарабатывает таких денег, как в Москве. Главное, что он сам не теряет себя, как это случается с людьми в столице, просто они не сразу замечают происходящего с ними, из-за скорости собственной жизни. Человеку, живущему там, трудно объяснить это, он просто тебя не поймет, и по этой же причине Петербург для таких людей – музей, смотровая площадка, показ своих успехов, демонстрационный зал для собственных достижений, особенно если ты когда-то сбежал из этого города, как произошло с самой Алисой, хотя и не она делала выбор. Но для неё Питер не потерял того первородного значения, того духа, который в нем жив, как будто законсервированный, вопреки всем потрясениям и революциям. Это были её улицы, её Невский, её мосты, её шпиль Петропавловки.

И конечно, она уехала именно сюда, когда ушла от Матвея. Хотя можно было бы предположить, что именно здесь он станет её искать, если захочет найти. Но, зная Алису, я считала, что её поступок был не таким однозначным, как могло показаться с первого взгляда. Ведь

никакие экономические, то есть, меркантильные, интересы не заставили бы её решиться на брак, а тем более отказаться от него, если бы её интересовала исключительно эта сторона и Матвей, как воплощение таких мечтаний.

Выросшая в семье ленинградских интеллигентов, засыпающая под звуки гитары, доносившиеся из кухни, где родители сидели со своими друзьями: разговаривали, курили, спорили на кажущиеся сейчас странные темы. Примечательно, что в тех разговорах не было ни слова о деньгах. Да, тогда они ещё жили в однокомнатной квартире. Это уже потом отец стал продвигаться по карьерной лестнице и, соответственно, увеличился достаток и метраж квартиры. Но забытый ныне романтизм, свойственный той эпохе, был посеян в ней и, несмотря на благоприятные условия явившихся вдруг торговых отношений, взошел в этой девочке, не вписываясь в окружающую среду обитания новых людей, в среду, отвергающую из себя таких недозревших до нового мира людей.

Она была недосягаемой величиной в этом усредненном пространстве, хотя никто и никогда не признал, а тем более не высказал бы вслух подобную мысль, так как такой человек считается скорее неудачником, витающим в облаках. Как этого не заметил Матвей, с его изворотливым умом и почти звериным чутьем на удачу?

– Она совсем не понимала меня, – говорил он теперь Ираде, то ли жалуясь, то ли оправдывая себя за то, что так быстро сменил партнершу. Да, Алиса была для него партнершей. Всё – как в бизнесе. И злился он на неё как на человека, сломавшего хорошо просчитанную схему и отлаженные партнерские отношения, – грубо говоря, она кинула его в тот момент, когда он целиком и полностью доверял ей. До этого Матвей считал, что Алиса предана ему, и это было для него самым главным. Отец учил его, что людей преданных нужно ценить и поощрять. Он так и сделал. Решил её поощрить: преподнести в подарок самого себя, понимая, как женщины, смотрящие на него оценивающим взглядом, мечтали выскочить замуж за такого мужчину. Одна Наталья чего стоила, да помани он её пальцем, побежала бы со всех ног к нему.

Но какая странная эта мужская логика: надо же было запасть на ту, которая и не просилась замуж, и вела себя так, словно никакой он не принц крови. Именно это и притягивало: хотелось доказать свою значимость и свое могущество, доставая, как фокусник из рукава, разные «чудеса». Алисе, конечно, было всё это приятно, но так бывает приятно ребенку, который через пять минут забывает, отвлекаясь на какую-нибудь ерунду, как считал Матвей. Он не чувствовал, что для Алисы ерундой являлись как раз его амбиции, самолюбование своей успешностью. А желание Матвея удивлять – всего лишь забавляло ее... Для себя она решила считать это его маленькими слабостями и относиться к ним с пониманием, ведь в Матвее было много другого, что привлекало к себе. Но всё продолжалось до того момента, пока она не поняла, что с её стороны это вранье: врать самой себе столько времени, делая вид, что она принимает такую жизнь, что хочет жить так, как Матвей, больше не хотелось.

Она стояла в примерочной в белом свадебном платье и разглядывала себя. И вдруг ясно почувствовала, что эта девушка в зеркале просто очень похожа на нее – Алису, но не она. Это странно – увидеть себя как бы со стороны и испугаться того различия и одновременно той похожести, как будто в тебе заключено два существа, вернее, две сущности, противоречащие одна другой. Алиса чуть не сломала молнию на платье, торопясь сорвать с себя этот чужой образ, как чужую кожу. Но, выйдя из примерочной к Матвею, ожидающему её на диване с журналом в руках, который он от нечего делать пролистывал, она в тот момент ничего не сказала ему. Да и как об этом можно рассказать? Матвей к тому же был так занят мыслями о работе и о грядущем торжестве, что иногда ей казалось, что он вообще был где-то далеко от нее. Алиса в свою очередь не проявляла особой активности в приготовлениях к свадьбе, что совсем не вязалось с ее темпераментом и с природной позитивностью характера. Иногда Матвей замечал это равнодушие и спрашивал, как человек прямой: «Что-то не так? Если тебе не нравится платье, ты скажи мне, закажем другое».

Алиса выдавливала из себя улыбку, и на этом всё заканчивалось. Но так не могло продолжаться дальше. Ей не хватало смелости поговорить с Матвеем, и чем ближе становился день свадьбы, тем труднее было решиться на этот разговор. Даже своей подруге Алиса не могла рассказать о том, что с ней происходит, зная, как та завидует, даже не скрывая этого. Разве бы она смогла понять ее? Да, и какую причину собиралась Алиса предъявить? В основном люди мыслят конкретными категориями по типу вопроса Матвея: «Что–то не так?» Ответа у нее не было, только одни вопросы.

То, что приходит к нам в душу, не спрашивает позволения, потому что мы сами притягиваем его к себе, приглашаем войти, а потом забываем об этом. Наверное, из таких, казалось бы, мелочей складывается пазл, разворачивается сюжет, из которого ничего уже невозможно вычеркнуть.

Я хотела отыскать Алису в Париже после того, когда случайно встретила ее, переходящую дорогу на красный свет. Мне казалось, что где–то в этом районе и должна она проживать, но уверенности не было, потому что с такой же долей вероятности, она могла оказаться в том месте и случайно. Времени на поиски у меня оставалось не много. Тогда я пошла по другому пути: стала пропадать в местах, облюбованных парижанами и туристами. Гуляла по Люксембургскому саду, где меня обгоняли вспотевшие от бега люди, ведущие здоровый образ жизни. Они оставляли за собой клубы пыли, взлетающие от тропинок, которые были такими ещё во времена, когда по ним гарцевали на лошадях кавалеры и амазонки с тонкими талиями, обтянутыми корсетами. Никто не думал, что через 100 с лишним лет по этим тропинкам будут бегать люди, желающие сбросить вес или снять напряжение после рабочего дня, и станут глотать эту пыль веков. Но таких здесь не много. Парижане слишком любят отдыхать, любят удовольствия жизни и совсем не желают причинять себе какие–то неудобства. Мне нравится их позиция. Жизнь нужно любить хотя бы за то, что она у тебя есть. И было жаль расставаться с этим городом, уже успевшим понравиться мне.

Я улетала из аэропорта Шарль де Голль в 13:00. Договорилась с таксистом, который накануне вечером привез меня из центра Парижа в район, где я жила. Я написала ему свой телефон, а утром он перезвонил мне и приехал, так что не пришлось искать стоянку и полагаться на желание или нежелание водителей везти меня в аэропорт. Что–то я уже начинала понимать в этой парижской жизни. К тому же такая договоренность давала мне возможность немного дольше поспать.

Уже по знакомой дороге мы быстро доехали до места. За исполнением обычных предполетных процедур в аэропорту время прошло быстро. И вот я уже прохожу в салон самолета и протягиваю паспорт стюардессе. Но неожиданно слышу от неё на русском языке: «Здравствуйте». Air–France, самолет, летящий на Сицилию, и вдруг:

– Вы русская?

Это спросила та самая стюардесса. За ней из кабины показался пилот, который был русским, и тоже поздоровался на моем родном языке. Приятно, конечно. Вообще, полёт начался уже необычно. Моим соседом оказался мужчина лет сорока пяти, я почему–то сразу определила: «итальянец», хотя он сообщил мне зачем–то, что он из Америки, а во Франции был проездом несколько дней. Говорил он на английском и предложил мне свое место у окна, если мне этого хочется... Я мило отказалась, поблагодарив его на итальянском языке, потому что не могла отказаться от мысли, что он итальянец, всё говорило об этом: смуглая кожа, красивое лицо, волосы с небольшой сединой на висках и ещё что–то неопределенное, которое есть в итальянском облике. Он спросил у меня, на каком языке мне проще говорить: на английском или на итальянском.

– На французском, – ответила я.

И он засмеялся, что сделало его ещё больше итальянцем.

– И всё–таки из этих двух, о которых я спрашивал, какой ближе? – не унимался попутчик.

– *Così-così*, – ответила я, то есть в переводе с итальянского: так себе, ни то ни сё. Но легче всего для меня русский, – добавила я.

– Я так и думал, – обрадовался он то ли тому, что я русская, то ли своей проницательности.

– А почему вы так думали?

– Юмор, ваш русский юмор.

Я не поняла, почему он решил, что русский юмор именно такой, и кто ему вообще рассказал о нашем юморе, что он так уверенно это сообщил мне.

– А вы – итальянец? – спросила я.

– Сицилиец. У меня отец там, лечу к нему.

Дальше мне уже было интересней думать о нем, чем разговаривать с ним, да и он сам вдруг замолчал. А мое воображение уже овладело мной: оно живописало мне образ этого человека. Конечно же, он как-то связан с мафией. Всем известно, что Сицилия – её родина. Хотя сейчас вся мафия перебралась в Америку, это тоже известный факт. Почему именно мой попутчик к ней причастен? Я так вижу: он спокоен и самоуверен, это бросается в глаза. То, что он летит к отцу, – это правда, но не вся, у него, безусловно, там есть и другие дела, поэтому он замолчал, ведь обычный итальянец начал бы после слов об отце продолжать рассказывать о том, чем отец занимается, о виноградниках его или о том, что он ловит рыбу, или выращивает цветы, не важно, главное – итальянцы обожают своих родителей и говорят о них с удовольствием. В голове уже проплывали картинки, как этот мужчина выходит из офиса на Манхэттене, с кейсом в руке, в строгом костюме, обязательно от итальянского дизайнера, потом садится в подъехавшую машину и сливается в общем движущемся потоке.

Да ведь это готовый персонаж... А еще говорят, что писатели всё выдумывают, включая своих героев, нет, они с ними встречаются. И то, что мое предположение могло быть истинным, подтвердило поведение сицилийца в момент, когда мы приземлились и все пассажиры начали доставать свои сумки, которые были наверху, засуетились, заспешили. Я встала, чтобы пропустить его, так как он сидел у окна. Я предложила ему пройти, на что он сказал:

– Зачем спешить?

Конечно, он не производил впечатления человека, куда-то спешащего, он был уверен, что всё идет так, как нужно. И тогда я немного пожалела, что не развела его на разговор, ведь к своему воображаемому образу я бы могла внести новые нотки реальности, но что тут уже поделаешь, значит сюжет этой встречи должен был стать таким.

К тому же в тот день был ещё и другой сюжет, связанный с той стюардессой, что поздоровалась со мной по-русски и которую звали Эдит, мы подружились за время полета. Пассажиры наблюдали такую картину: старшая стюардесса, присев на корточки рядом с моим креслом, на французском и русском языках рассказывала мне о том, что она была в Москве и в Санкт-Петербурге (узнав, что я из этого города, искренне обрадовалась). Говорила, как она любит Россию и русскую культуру, и с гордостью рассказала о своих успехах в изучении языка, потому что уже прочитала рассказ Чехова по-русски и стихи Лермонтова. Я рассказала ей о Цветаевой, посоветовала почитать Бунина, которого сама очень люблю, и пообещала подарить ей книгу своих переводов французской поэзии через знакомого, который будет проездом в Париже в конце августа.

– Как корошо! Я вам дам свою картошку.

– Картошка – это кушать, это еда, – поправила я ее, сдерживая улыбку. – Карточку, а проще сказать «визитку».

– Я вам дам свою визиту, – исправилась Эдит.

Я обожаю, когда иностранцы говорят по-русски, это так трогательно, они мне кажутся в этот момент детьми, и хочется сразу помочь, вот такой странный инстинкт.

Мы забыли с Эдит, что на нас смотрят, увлекшись разговором. Она была не молоденькой девушкой (у нас почему-то стюардессы – это длинноногие юные модели). Ей было за 40, и она обвораживала своей естественностью, уверенностью в себе, женственностью и тем, как она улыбалась, обращаясь к пассажирам. Это всё вызывало ещё большее доверие у меня к ней. На европейских авиалиниях – женщины разного возраста. У них умные лица, они душевны, а когда смеются, на их не замурованных гримом лицах видны морщинки, которым не придается никакого значения. И это – *manifique*, – подумала я, когда мы уже приземлялись.

– *Au revoir Madame*, – сказала Эдит, когда я покидала лайнер.

– *Non madame*, – ответила я, назвав ей свое имя и дав понять, что мы уже друзья.

Я помахала ей рукой, удаляясь по длинному рукаву в зал сицилийского аэропорта в Катаньи.

9

В VIII веке до нашей эры греческие мореплаватели, бороздящие Средиземное море в поисках новых земель, натолкнулись на ещё неизвестный им остров. Обогнув его со всех сторон, они заметили, что он имеет три вершины и, недолго думая, назвали его «Тринакрива», что на греческом языке означало «треугольник». Вершины этого треугольника стали называться: на юге – мыс Пахин, на востоке – мыс Пелор, а на западе – мыс Лилибей. Так они звучат и сейчас.

Я заинтересовалась этой историей, когда в номере отеля, где я остановилась, увидела странную картину, на которой была изображена голова Медузы, имеющая вместо волос клубок змей, но удивительным было не это, а ноги, идущие в разные стороны. Непонятно, почему только ноги без остального тела... Подобные изображения встречались здесь повсюду, даже в нижнем правом углу большого зеркала, висящего в моем номере. Под этой картинкой значилось и название самого отеля.

Мне объяснили, что этот знак – трискелион, но ещё существует древний вариант изображения. Нынешняя версия, как оказалось, выглядела не столь устрашающе: голова женщины, может быть, богини, иногда с крыльями, иногда без них.

Эти крылья символизируют ход времени, что уже интересно. На той картинке, где змеи вместо волос, тоже всё было достаточно символично, так как эти ползучие существа, как известно, являют собой образ мудрости. В некоторых вариантах они заменены колосьями пшеницы, чтобы подчеркнуть изобилие острова. Не так давно этот символ был принят Сицилией как неотъемлемая часть сицилийского флага, представляющего собой это изображение, которое расположено на пересечении красного и желтого цвета. Но мне все равно больше нравился изначальный вид трискелиона – в нем ещё витал образ греческих мифов.

И когда я смотрела на парусное судно, белеющее на горизонте, мне казалось, что это греки ищут новые берега и сейчас они заметят этот остров, на котором временно пребывала я, но они проплывали каждый раз мимо, а я оставалась ждать.

Вот так проходят века, – вертелась в моей голове мысль, как чайка над морем в поисках рыбы. А что искала здесь я и не только здесь, преодолевая часовые пояса, пересекая время в разных направлениях, бродя по древним улицам Палермо, где приходится прижиматься к стенам домов, когда мимо проезжает повозка, в которую запряжена лошадь, или проносится мотоцикл. Средневековье и современность не мешают друг другу, а я между ними, будто неприкаянный путник, идущий издалека – вечный странник, меняющий свои одежды, свои мысли, но неизменен образ, в котором важно не лицо, а дух, что как ветер витает в этих узких улицах древнего города.

Может быть, так же думала и Алиса, которую я видела сидящей в морской пене, будто она – невеста Посейдона. Впрочем, римляне называли его Нептуном. Но здесь ключевое слово «невеста». Алиса выбрала другого, потому что обычный мужчина, каким был Матвей, не понимал того, что недостаточно обладать ею и только по этой причине считать своей. Она была изначально ничья и одновременно принадлежала всему миру, как мир принадлежал ей. Иначе разве могла бы я встречать её повсюду, где оказывалась сама?

Я уже говорила о том, что видела Алису на Сицилии, однако ещё раньше я видела её в Париже. И моя мысль снова улетела во Францию и долго не могла оторваться от нее, пока не вернулась опять сюда.

Мне начинало казаться, что все люди, которых я встречала в своем путешествии, появлялись в моей жизни не случайно, как не случайно писатель находит своих персонажей. Разве можно придумать то, чего нет? Всё уже давно придумано, а я всего лишь пересказчик, которому кто-то шепчет на ухо: «Напиши обо мне». Как будто неуловимый бестелесный дух желает

воплотиться в реальности. И я не могу отказать ему в этом по каким-то законам неизвестного мне мира, который выше всех известных миров. Он посылает свои знаки, а я записываю их на бумагу.

Перед тем как уснуть, на той тонкой границе перехода, передо мной проплывают какие-то лица: они молодые и старые, улыбчивые и злые, хохочущие мне в лицо и рыдающие рядом о чем-то своем. Я не слышу их голоса, я только вижу проплывающие картины. Засыпаю и продолжаю спрашивать уже во сне: «Кто вы? Зачем приходите ко мне?» Иногда они грозят мне пальцем и смеются, как будто хотят сказать: «Ты и сама всё прекрасно знаешь: мы такие же реальные, как ты, скрывающая нас в себе, а мы хотим жить, жить, жить...»

Я просыпаюсь на слове «жить». Здесь у меня оно ассоциируется с деревом, на котором растут большие розовые цветы, похожие на привычные лилии. Оно усеяно ими, листьев на нём меньше, чем цветов. Я увидела его впервые по дороге к литературному кафе, которое отыскала совершенно неожиданно в этом маленьком городке. Зачем оно там было и что в нём было литературного, кроме шкафа с книгами? Предположить, что в этом месте собирались писатели, было сложно (сколько же здесь литераторов на три тысячи населения?). По крайней мере, я не видела в этом кафе ничего особенного, за исключением пары музыкальных выступлений каких-то неизвестных групп: парни били по струнам гитар и что-то пели в основном на английском, рассчитывая на слушателей-иностранцев, отдыхающих здесь. Собственно, меня привлекло не название и не жажда общения с мастерами пера, а простая, сермяжная потребность выжить, то есть меня там покормили нормальной едой. Распространенной пищей в городке была булка с мороженым, вернее, мороженое в булке – сицилийский кулинарный шедевр, и пицца. Ни то ни другое не входило в мой обычный рацион. Я попробовала, конечно, но в первом случае было приторно-сладко и жирно, во втором – не было сил и желания вгрызаться в корку чуть пригоревшего теста с чем-то намазанным сверху (в Питере пицца мне попадалась вполне съедобная). А поданная рыба в ресторане при отеле (он же был и единственным рестораном в этом городке) оказалась сожжена, правда наполовину, и девушка, которая мне принесла это, старалась соскоблить кусочки рыбы со шкурки, делая вид, что именно так и нужно подавать и именно так нужно готовить эту рыбу. Вообще-то, я была в курсе, что и как, потому что точно такую же ела на Крите и очень вкусно приготовленную. Но здесь этот случай отбил у меня желание к продолжению экспериментов на своем желудке за мои немалые деньги.

В литературном кафе меня кормила девушка, сбежавшая из Украины в 2014 году, когда там начался весь этот майдан головного мозга. Ей было куда бежать – к своей маме, которая к тому времени уже 10 лет как жила в Италии, будучи замужем за итальянцем и не собирающаяся возвращаться назад в ту страну. Да и родилась она под Мурманском, так что украинка из неё примерно, как из меня. Но дело не в этом, мы не обсуждали с ней творившийся там беспредел, потому что она давно жила другой жизнью, да и мне было странно говорить об этом в таком чудном месте. Она и по-русски говорила вначале уже с итальянским акцентом, потом как-то разговорилась – вспомнила... И сама женщина, и её дочь оказались людьми хорошими, и это меня спасло от граниты, пива и вина, которое здесь дешевле, чем вода. Оксана и Яна (её дочь) были, как мне показалось, теми немногими людьми, которые вообще работали в этом раю безопасности и вечного отдыха. Нет, вру, там ещё был один большой магазин, я наизусть выучила время его работы, потому что покупала в нём фрукты, сыр, воду и другое. Функционировал он смешно: с 10:00 до 13:00, затем перерыв до 16:30 и работа до 18:00. Но так было не каждый день: только в понедельник и вторник, а в среду, четверг и пятницу магазин действовал только с 10.00 до 13:00, а в субботу и воскресенье – заслуженный выходной. От чего отдыхали эти люди, я так и не поняла. Местные жители торчали с восьми утра на пляже с детьми в количестве 4–5 человек. Привозили и увозили их на машине под радостные визги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.